

КАЛИНИНГРАДСКАЯ РАБОЧАЯ ГРУППА "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ ЛАЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Р

А

М

Е

И

А

литературный

альманах

народа Звезды

Вып. 28. МАРА

Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 28.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Сopyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградская рабочая группа
«93 in 39», 2012;

а также авторы журнала:

Мара

Algidus

(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:
Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

Qapa

Где-то там

Здесь шумные улицы, копот и грохот машин,
Здесь солнце нам кажется маленьким пятнышком рыжим,
Здесь ветер блуждает по улицам, как пилигрим,
Он хочет нам что-то сказать — но его мы не слышим.

А где-то там, далеко-далеко,
Море о скалы шумит,
Где-то там, далеко-далеко,
Чайки кружат над волнами,
Где-то там, далеко-далеко,
Берег о чём-то грустит,
Может быть, он просто ждёт встречи с нами...

А здесь ночь проходит — и вновь между нами туман.
Мы рядом идём — но не видим, не слышим друг друга.
Я знаю, что это иллюзии, тени, обман —
Но сил не хватает всё бросить и жить без испуга.

А где-то там, далеко-далеко,
Небо, как изумруд,
Где-то там, далеко-далеко,
Ночь темна и хрустальна,
Где-то там, далеко-далеко,
В доме кого-то ждут,
И горит свеча на окне постоянно...

Говорящая с пламенем

Чёрные глаза до висков подведены тёмной краской, рыжие волосы коротко острижены. Алый шёлк её платья, струящийся до земли, расшит золотыми зигзагами. В её высокой короне мерцают огоньки свечей, и потому её движения плавны и неторопливы.

Она живёт в храме уже много лет. Она — леди Шеба, жрица Пламени.

Она способна взмахом руки погасить любой огонь — но не любит это делать. Ей больше нравится дарить жизнь пламени. То пламя, что теплится на алтаре, зажжено её руками. И все огни по всей стране зажжены от этого пламени — его дети, его внуки и правнуки.

Она поддерживает огонь на алтаре. Она поёт священные гимны, и рыжие лепестки вздымаются в такт её низкому голосу. Она танцует с огнём в тёмные ночи новолуния — с факелами, и огненными шарами, и крошечными свечками, и горящими лентами. И тьма отступает перед её огненной пляской, выпуская на волю новорождённый лунный серпик.

Но раз в году настаёт ночь, когда гаснут внезапно огни по всей стране. Лишь пламя на алтаре остаётся гореть.

И тогда леди Шеба берёт это пламя в ничем не защищённые ладони. Потому что лишь в её ладонях пламя способно пережить эту ночь.

И пляшущие языки не обжигают её.

От храма до вершины Огненной Башни — три тысячи шагов. Три тысячи шагов с огнём в ладонях, три тысячи шагов, ничего не видя и не слыша вокруг. Три тысячи шагов, за которые пламя в её ладонях наберётся сил, окрепнет и разгорится. Три тысячи шагов — полированный мрамор храмовых ступеней, и выщербленная брусчатка площади, и узкая, закрученная безумной спиралью лестница, ведущая к вершине башни. Она пройдёт их — шаг за шагом, все три тысячи, устремив взгляд в мерцающие глубины пламени. И, дойдя до вершины, скажет тем, кто будет ждать её там, три слова — три слова, которые напелтал ей огонь, три слова, которые на год определяют жизнь всей страны. Те, кто ждал на вершине, примут из её рук пламя — осторожно, железными щипцами, стараясь не обжечься и не уронить — и сотни всадников понесут его во все пределы страны, в самые глухие уголки, сберегая в глиняных горшках под плащами. А леди Шеба упадёт без чувств на холодные каменные плиты и не откроет глаз до заката.

Она знает, что однажды холод этих плит войдёт в неё навечно, и подняться она уже не сможет. Жрицы Пламени не доживают до старости, отдавая свою душу тому, чему служат... И тогда огонь на алтаре погаснет сам собой — и не зажжётся ни от какого огнива. И юной девушке, что живёт где-то в древнем замке у моря, придёт пора пуститься в путь — на поиски того пламени, которое позовет её к себе. Она найдёт его, и донесёт до города, и возложит на алтарь, не дав погаснуть. И круг времён замкнётся — потому что иначе быть не может.

Но пока солнце гигантским огненным шаром медленно падает за шпили крыш, и леди Шеба идёт в храм, чтобы подкормить ароматным деревом огонь на алтаре. И где-то в далёком замке у моря смотрит на заходящее солнце юная девушка — её старшая дочь. Её тёмно-рыжие волосы ещё не срезаны и свободно падают на плечи... но она уже знает, что судьба её определена с рождения и что выбора у неё нет. А пока — пока её учат танцевать с факелами и огненными шарами и брать пламя голыми руками, не обжигая ладоней.

Она приснилась мне однажды в канун Самайна — леди Шеба, Говорящая с Пламенем. С тех пор я подвожу глаза тёмной краской.

Грань весны

...А весна уже повсюду, и почти что даже лето — светом, цветом город залит, буйноцветие сирени плещется по переулкам фиолетовой волною, звуки гулки, ноги ноют — то ли в пляс хотят пуститься, то ли просто оттолкнуться от земли — и прыгнуть в небо. Сны мешают быль и небыль, то-чтобыло — с тем-что-будет, грань реальности размыта акварелью по бумаге, апельсиновое солнце, что древней наук и магий, чертит по небу лучами знак неверия и веры, счастья вперемишку с горем — и глядит с улыбкой Будды вниз, на улицы и скверы. Волоса растреплет ветер, а в глаза прозрачный город заглянёт с немым вопросом, на который не ответить, ляжет под ноги, ласкаясь, мостовыми старых улиц...

...В узел тропы затянулись, всё — по краю, всё — на грани. Не из книг, не из сказаний, ниоткуда — просто знаешь: брошенное слово ранит глубже самой острой стали, а слова теснятся в горле, но сказать — невыносимо, потому — хранишь молчанье...

...Лёгких крыльев за плечами — пережившим эту зиму.

За чужим окном

Ночь. Тишина. Во мраке смутно вырисовываются бетонные коробки многоэтажек и островерхие силуэты маленьких домиков. Неслышно струится туман...

Я иду по тёмной улице. Все уже спят, огни в домах погашены, фонари не горят — и лишь в одном из домишек светится окно.

Смотреть на него и гадать: что там, за ним?.. Может быть, мать ждёт там студента-сына — он обещал сегодня приехать. Или девушка сидит за книгой, в третий раз уже пробегая глазами одни и те же строчки, но мысли её — у двери: вот-вот послышатся знакомые шаги на крыльце...

А может — никто никого там и не ждёт, просто — двое сидят, держатся за руки, глядя друг другу в глаза, не решаясь расстаться...

Или — две подружки много лет не виделись и наконец-то встретились. И вот теперь сидят — далеко уже за полночь — и рассказывают друг другу свою жизнь. Чай с плюшками на столе, на коленях мурлычет кошка...

Может быть, конечно, всё и не так. Может быть, там студент корпит над рефератом, который наутро сдавать. Или мать сидит у постели больного ребёнка. Но свет в окне — такой тёплый, что о тех, кто за окном, думается так же тепло.

Счастлив тот, кого ждёт за этим окном. Счастлив и тот, кто ждёт за ним — кому есть кого ждать...

Там, за окном — свой мир: маленький, уютный. И я прохожу мимо.словно две галактики, которые в необъятной звёздной бездне соприкоснулись краем — чтобы затем разойтись навсегда.

Я прохожу мимо.

Тучи в небе разошлись, и в разрыве светится одинокая звезда — словно свеча в небесном окне.

* * *

Золотарник
встал на обрыве —
герольд золотой осени.

* * *

Из окна автобуса
увидеть радугу в брызгах фонтана —
улыбку солнца.

Йоль

Холод, холод, снег вокруг! Пахнет морозной свежестью, хвоей и мандаринами. Нет, Новый год ещё не настал — это Йоль, самая длинная ночь в году.

Зима ещё только началась, но в ней уже таится радостный бег весенних ручьёв — как в ночи летнего солнцестояния, вершине лета, можно, если прислушаться, уловить горьковатый запах осенних туманов.

Колесо года замерло в нижней точке своего вращения, там, где холод и мрак... и кто знает, не остановится ли оно совсем? И потому в эту ночь мы зажигаем огни, мы пируем и веселимся, светом и смехом разгоняя зимнюю тьму. Красный и золотой — по традиции цвета этого праздника, красный и золотой сияют в ночи, и сосновые ветки по-прежнему зеленеют, не желая сдаваться зиме, и чашу с дымящимся глинтгом мы передаём из рук в руки, и пушистые венки из мишуры искрятся у нас на головах...

И, согретое этими огнями, этим светом и нашим смехом, Колесо года понемногу возобновляет своё вращение.

«Глупости, — скажет кто-то. — Смена времён года — закон физики, и от языческих ритуалов она не зависит». Но кто знает — взойдёт ли солнце, если однажды утром не прокричит ни один петух на свете?

Перелом года. Самая длинная ночь. Жизнь продолжается.

Колдовской мир

Опять спокойно на заставе,
Опять повсюду тишина.
Лежит в своей извечной славе
Непокорённая страна.

Когда-то было здесь сраженье,
Скрестились меч и колдовство...
Уже сменилось поколение,
Никто не помнит ничего.

Лежат кругом седые камни,
Да солнце жарит, будто печь.
И тихо дремлет в ожиданье,
Как прежде, старый рунный меч.

Крылья

У меня есть крылья. Не просто так, для красоты, хотя они и красивы — узкие, белые, с тёмными кончиками... Я умею летать. Хотя и давно уже не летала, сидя с тобой вместе на краю обрыва, болтая лапами — я знаю, что умею летать, и могу — вот прямо сейчас! — соскочить с этого края, и воздух мягкой невидимой ладонью подхватит меня...

Полетели вместе! Я покажу тебе множество чудных местечек, я покажу тебе свой мир — ведь оттуда, где я летаю, всё видится по-иному, необычно, и этот иной, необычный мир — во мне, и я в нём... и в этом проникновении — тайна, возможность и суть моего полёта.

«Это всё иллюзии, — смеёшься ты. — Всё вокруг — иллюзии». «А ты сам?» «И я! Я — глюк и творец глюков!» Ты срываешься ввысь, чертишь там стремительные петли. Возвращаешься на обрыв — сияющий, с ветром, запутавшимся в волосах. Ты не просишь похвалы, не спрашиваешь: «Ну как?» — ты и так уверен в собственной неотразимости, но будешь всё равно рад ещё раз услышать об этом — от меня.

Да, конечно — ты великолепен!

«А что ты будешь делать, если я взлечу выше тебя?» — спрашиваю я, улыбаясь. Улыбка — чтобы казалось, что спрашиваю в шутку, тогда как на самом деле — всерьёз, и немного даже со страхом: не сдёрнешь ли вниз?

«Постараюсь подняться к тебе», — отвечаешь ты. И в самом деле — как ещё может быть?

*

Я давно уже не летала. Просто следовала за тобой, особо не выпендриваясь, восхищалась, глядя на круги, выписываемые тобой. Уже не звала тебя взлететь с морского обрыва и коснуться крылом волн — а зачем? всё равно ведь для тебя это — иллюзия...

Но сейчас я распахну крылья — и взлечу! И прохладная ладонь воздуха подхватит меня, и унесёт туда, где закат распахнул багряные крыла над шелестящими полями, где на окне мерцает огонёк одинокой свечи... Распахнуть крылья, оттолкнуться и...

Боль. Резкая, мгновенная. Я сижу на земле: крылья больше не держат меня. Рождённая крылатой — разучилась летать... Слишком тяжёлым стало моё тело для узких белоснежных крыльев...

Ты спускаешься с небес и садишься рядом: «Что случилось?» «Я разучилась летать», — отвечаю. «Ты?! Но это невозможно! Ведь ты — крылата от рождения. Наверное, ты просто устала?» «Наверное», — соглашаюсь я: ведь я уже привыкла соглашаться с тобой.

Улыбаюсь тебе — из какой-то неистовой гордости вытаскиваю на лицо улыбку. Уж это я хорошо умею — прятать боль за улыбкой, загонять её, за таптывать в глубины. Всё равно ведь вылезет, сволочь — но не сейчас. Потом, когда я уползу куда-нибудь в уголок... тогда уже выкричу её небесам, схороню под камнем... Ничего, не впервой. Много лет этому училась. Думала

только, что с тобой мне это умение не пригодится... ха, размечталась, дура! О сказке размечталась, о хеппи-энде для Бабы-Яги... да не бывает такого! Даже в сказках не бывает — куда уж тут в реальности...

«Я сейчас вернусь», — улыбаясь, отхожу подальше — и мой беззвучный крик несётся к луне. Беззвучный — потому что нельзя, чтобы ты услышал, кричать молча — этому я тоже долго училась... Луна равнодушно смотрит с вышины — не первый раз она слышит такое, да и не первый век... Ч-чёрт, теперь голос сорвала. Можно ли беззвучным криком сорвать голос? Оказывается, можно. Говорить-то ещё нормально, и не заметит никто, а вот петь — увы. А ведь это единственное, что мне осталось — петь...

*

«Ты так давно уже не летала...» «Не хочется, — я прячусь за улыбкой. — Просто не хочется». Не признаваться же тебе, что я... высоты боюсь. Так вот. Просто и банально. Но тебе этого не скажешь: засмеёшь ведь!

И я сижу на земле и ненавижу своё дурацкое тело: слишком плотное, слишком тяжёлое... слишком живучее... Если я сброшу его — я снова смогу взлететь, я знаю! Но тогда — ты останешься один...

«Помоги», — прошу я. Заставляю себя попросить. Мне ведь невероятно трудно просить о помощи, проще сдохнуть — ещё одно умение, вынесенное из Школы Немого Крика, ещё один её урок: за помощь всегда — всегда! — приходится платить, платить болью и унижением.

Но сейчас — мы всё-таки взлетаем: крыло к крылу. Я стискиваю зубы и терплю боль: ещё немного... и ещё чуть-чуть... Скоро, скоро мы долетим, туда, где я летала когда-то... может быть, ветер шелестящих полей расправит мои крылья, подхватит их, может быть, я всё-таки смогу ещё летать? Ещё немного, ещё взмах...

А тебе скучно — вот так вот таскать меня... Ты стараешься развлечь себя — как можешь: осмеивая всё вокруг. Ты — живой и радостный... слишком живой, слишком радостный, слишком настоящий для меня. Живое, радостное, настоящее чудо. Но в этот миг я понимаю: мой мир слишком мал и пресен для тебя, для тебя он — лишь иллюзия, и тебя держит в небе иной ветер... ветер, которому не удержать меня. Крылья мои подламываются, и я снова лечу, кувыряясь... наземь.

Больно, как же больно... Знала ведь, знала, что платить — придётся, что за всё в этом мире надо платить, а за свободу и радость — по высшей цене... Ты опускаешься рядом: «Прости, я не хотел...». Ничего. Не за что тебя прощать. Это я во всём виновата. Р-размечталась, понимаете ли, дура, небо ей подавай — гр-ры! Знай своё место. Бью себя кулаком в плечо — так, чтобы больно стало, боль способствует запоминанию. И не смей плакать, не смей — нет у меня права на слёзы, я давно уже его тебе отдала...

*

А сегодня — полнолуние, и не просто полнолуние: Лётный Вечер! Скользить в мерцающей синеве наступающей ночи, в лунном свете, стирающем грань между иллюзией и явью... может, я всё-таки смогу взлететь? Может быть — всё-таки?

Стиснув зубы, вплетаюсь в первый круг... и тут же понимаю: это уже — не для меня. Жалкие трепыхания мои выглядят так по-идиотски смешно, что мне даже странно, что никто не рассмеялся. Из жалости, что ли?

Не надо мне жалости!

Оставшиеся два круга я наблюдаю с земли.

*

Я сижу на краю обрыва. Просто сижу и кидаю вниз камешки. Ты — рядом. Ты любишь меня, ты готов выполнить любое моё желание... но я уже ничего не хочу. Ну, может быть, так, по мелочам — мои желания-желаньишки давно уже не отрываются от земли. Хотят — сильные... а мне не хватает сил даже взлететь.

Камешки летят вниз — один за другим: раз, два, три, четыре...

Камешки — летят...

* * *

Лес рассечён надвое трассой.
Крылья заката за спиной.
Что впереди?

Между небом и землёй

Между небом и землёй, над бездонной пропастью, протянут канат. Бездна сверху, бездна снизу, бездна со всех сторон — бездна, полная звёзд. И тонкая фигурка скользит по канату. Космический ветер треплет короткую тунику, откидывает с лица волосы. И это не просто скольжение — это танец под песню звёзд. Да, звёзды поют — если прислушаться, можно различить тихую, чуть слышную мелодию. Порой она сказочно прекрасна и радостна, порой в ней сквозит страх и угроза — но она ни на минуту не замолкает, ни на миг не прекращается этот волшебный танец между небом и землёй.

Можно приблизиться к звезде — и тогда станет видно, что звезда — это такой же танцор на канате. Это его танец заставляет петь пространство, рождает дивную музыку звёзд. И тот, кто танцует под песню звёзд, сам не знает о том, что он — звезда, что и он дарит другим дивную гармонию звуков.

Он ступил на этот канат в полдень или в полночь, на рассвете или на закате — его позвала песня звёзд, космический ветер, Колокол Далей Небесных. И он покинул родной дом, ступил на эту зыбкую и ненадёжную опору.

Канат — дорога миров. Порой она приводит странника в мир, где его ждут, где распахнуты двери дома и в очаге горит огонь. Он садится у огня, видит кругом друзей, радостно глядящих на него, на звезду, сошедшую с неба. И будет ночь счастья, ночь тепла и радости.

А утром, едва встанет солнце, странник выйдет из дома. Кругом поют птицы, шумит листва — но ему слышится песня звёзд, зовущая его. Рассвет раздвигается, точно занавес — и снова открывается дорога, и звёзды, и космический ветер шелестит в листве.

«До встречи», — странник поворачивается к дому. «Я вернусь», — шепчет он беззвучно и делает шаг. И снова бездна, и песня звёзд, и долгий, бесконечный танец.

Нет конца канату — есть лишь его начало. И тот, кто ступил на него, уже никогда не сможет вернуться назад, к своей прежней, безмятежной жизни. Но он может остановиться и, презрев песню звёзд, сойти с каната.

И будет бесконечное падение в бездну одиночества, и песня звёзд будет звучать трепетной и недостижимой мечтой, и не будет покоя — только ночь, и бездна, и одиночество, и пустота. И жизнь станет пустой и никчёмной.

Но однажды на заре ушедший не выдержит и отзовется на песню звёзд. И снова распахнётся дверь в звёздную бездну. И ушедший снова ступит на канат. И снова будет долгий танец и песня звёзд...

Путь... один из многих.

Плач по Цитадели

Покуда мы в строю —

Мы держим Вавилон.

Ю. Ломов

Оставляя навек Ронсеваль,

Оставаясь навек в Ронсевале...

Йовин

Всё кончено. Уходим завтра утром.
Чужие звёзды светят нам теперь.
Ни сила, ни оружие, ни мудрость
Не отстояли нашу Цитадель.

Она была не крепостью, но домом
Для нас и тех, кто приходил сюда,
Тепло даря друзьям и незнакомым,
И тем, кто ничего не ожидал.

Не просто стены. И не просто камни.
Навеки в них застыли плач и смех.
Прощаясь, мы касались их руками
И знали, что их след теперь — на всех.

Мы словно братья — дети Цитадели,
Мы породнились под её крылом,
И в эту ночь мы все осиротели,
А на рассвете — покидаем дом.

Не пряча слёз, глядим вперёд, как прежде —
На сотни лиг непройденных земель.
Но теплится в сердцах у нас надежда,
Что там, где мы — воскреснет Цитадель.

Последняя весна

С опасливо-притихших улиц Эдо
Сметя весенним ветром лепестки,
Порог эпох решит: кому — победа,
Кому — остаться в памяти других.

Под ветра свист, кангунским флейтам вторя,
Молчание звенит — лишь только тронь.
Мечу, что знает тысячи историй,
Уже не лечь в знакомую ладонь.

Война — вдали. Она совсем другая,
Чем та, которой вы привыкли жить.
Теперь тебе пределом — Сэндагая,
Друзьям твоим — другие рубежи.

Тебе бы рядом с ними встать в сраженье,
По тропам Айдзу с ними бы пройти...
Но на порог уже ложатся тени,
И ветер из Киото снова стих.

Смеркается. Несбывшиеся встречи
Несказанностью на губах горчат.
Не пропустив удар, последний мечник
Уходит вслед за временем меча.

Пустота

Дин-н-нь...

(тихий усталый колокольчик)

Ночь

(просто — темнота. Непроглядная)

Очи

(взгляд в эту темноту — в оконном стекле отражается)

Очень

(куда-то лететь, что-то искать, кого-то спасти — поздно, поздно)

Честь

(странная вещь, меч с двумя клинками, один из которых — вместо рукояти)

Час

(два, три... — отбивает маленький усталый колокольчик)

Дин-н-нь...

О-дин-оче-ство.

След от кругов на воде — это тоже след,
И отзвеневшим песням — звучать в сердцах,
И отгоревших звёзд негасимый свет,
Бездну пронзив, снова в чьих-то блеснёт глазах.

В чьей-то душе, может, радостью прорастёт
Слово, что было брошено невзначай...
Века колёса кружатся: в свой черёд
Смерть и любовь, цветок и удар меча

Звёзды увидят. Им с высоты видней,
Как беспокойными искрами на ветру
Кружат, свивая сети ночей и дней,
Взглядов сплетенья, соприкосновенья рук...

Встретиться. Вместе спорить, детей растить,
Трассу идти или на рубеже стоять,
Мир перекраивать, душу держать в горсти —
И расставаться. Свидимся ли опять?

Снова переплетенье путей-дорог
Мир воедино сошьёт, чтобы не исчез.
Грузу своих потерь и чужих даров
Не удержать того, кто родился здесь.

Стенам темниц перед вечностью не устоять.
Склянкам разбитых часов не сдержать песка.
Ветер вернётся вновь на круги своя,
Сколько бы ни пришлось ему путь искать.

Снег улётся
На складках зонта
Восьмилепестковой хризантемой.

Шаг за окном

Мы по-разному приходим к этой точке: кто — по бесконечной дороге в ночи, кто — по тропинкам, прочерченным кровью из рассечённых вен, кто — из последних сил проламывая барьеры, воздвигнутые в попытках казаться таким же, как все: словно прыжок в окно из душной, пыльной комнаты — за ним неизвестно что, лицо и руки в кровь изрежешь осколками — но всё лучше, чем сидеть взаперти.

Мы — те, кто сквозь смерть прорвались к жизни.

«Двум смертям не бывать, а одной не миновать». Если верить этому, мы все, как кошка Шрёдингера, мертвы с вероятностью одна вторая. Но нам, в общем-то, плевать на то, что о нас думают и кем нас считают. Умирать — это словно пройти через стену огня: всё, что было неистинным, наносным, лишним — сгорает, и пепел его уносит ветер.

Мы выходим из пламени нагими и безымянными, без прошлого и настоящего, с неначертанным ещё будущим — словно дети. И делим жизнь на «до» и «после»: «до» — одно имя, «после» — иное. Словно в древности после обряда инициации: детское имя сгорает в огне, исчезает в ночи, вместо него приходит другое. Жаль, что в теперешней культуре нет аналогов инициаций: возможно, меньше было бы таких, как мы.

Людам свойственно много чего бояться. Мы — не боимся почти ничего. И уж тем более мы не боимся смерти: ведь страшит лишь неведомое. А мы уже побывали — *там*, прошли по краю — зависшие миров двух между...

Мы не стремимся искать подобных себе — подобные притягиваются сами. «Ты когда умер?.. А я — тремя днями раньше... Надо же, мы почти ровесники!»

Кто-то несёт свою жизнь как Миссию. Для кого-то она — Танец, для кого-то — Игра... нет лишь одного: бессмысленного *существования*.

И мало кто любит жизнь так, как мы. Наша любовь чиста: без страха, без привязанности. Не познавший тьму — не поймёт, как прекрасен свет.

Тьма и пламя. Жизнь и смерть.

Дорога на Восток

Казалось, этот подземный ход, эта заплесневелая тьма никогда не кончится.

Сколько времени я уже иду? Минуту? Час? Год? Плотный, почти осязаемый воздух не колеблет ни одно дуновение ветерка снаружи... Замшелые стены гасят даже эхо моих шагов...

Не помню, как я выбралась оттуда, — но я выбралась. И вот я стою на скальном уступе под безжалостно-сумрачным небом и смотрю снизу вверх на крепость, ещё на закате бывшую нашей, а теперь заполненную тьмой.

Они пришли в эту безлунную и беззвёздную ночь, обступили крепость, беспросветным чёрным покрывалом заткали скалы — короросы, порождения Вечной Ночи.

Из окон главной башни я хорошо видела происходящее. В колючие клочья рвали ночную тьму огненные стрелы лучников и смоляные ядра катапульт (только огнём можно уничтожить коророса). Со стен лились потоки огненной смеси, прорезавшие среди врагов пылающие дороги. Короросы не оставались в долгу: то здесь, то там взмётывались призрачные блёкло-синие и серые лучи, и если лучник или баллистер не успевал прикрыться щитом, на его месте оставалась быстро схлопывавшаяся пустота.

Мы держались долгие восемь часов, и наши силы были на исходе. Враги же казались бесчисленными. Всё чаще взлетали страшные лучи, всё больше защитников исчезало со стен. Погас последний огонёк, и воцарилась тьма, нарушаемая лишь неярким свечением Кристалла в моих руках.

Всё было кончено. Нет, не всё! В их руки (лапы? щупальца?) ни за что не должен попасть Кристалл. Через три ступеньки я полетела вниз по лестнице. Где-то здесь должен быть потайной ход... вот он! Разобравшись в секрете замка, я скользнула в настороженную тьму — как за дверью раздался громкий долгий шелест. Объяснений не требовалось: чёрная волна затопила крепость, и теперь над захваченной цитаделью никогда не взойдёт рассвет.

Мои пальцы до боли стиснули Кристалл. Не-ет, не просто камень держу я в руках! Кристалл, по сути, был сердцем нашей крепости; с его помощью мы поддерживали связь с Центральной Цитаделью в Атриане, он наполнял крепость силовым полем, зажигавшим наши огненные стрелы во время битвы. А теперь он сослужит ей последнюю службу — уничтожив крепость и засевших в ней врагов.

Надо было активировать Кристалл... но я никак не могла решиться на это. С крепостью уходило в небытие всё моё прошлое. Что ждёт меня впереди?

— Решайся же, Хранительница!

Голос, раздавшийся совсем рядом, заставил меня вздрогнуть. В крошечной тьме я не видела его обладателя, но была уверена — он не из крепости.

Однако незнакомец прав: пора действовать. Я отогнала все мысли и сосредоточилась на Кристалле. В ладонь толкнулся краткий ответный импульс — Кристалл сообщал, что к работе готов. Мои пальцы стремительно скользнули по граням, вычерчивая сложные узоры. В глубине Кристалла зародилось

белоснежное сияние. Оно разгоралось ярче и ярче, пока не стало ослепительным. И тогда я вскинула Кристалл высоко над головой.

Немым вскриком мироздания лопнули незримые нити, стянутые в тугой клубок. В непроглядной тьме, там, где стояла крепость, появилась белая искорка — словно отражение огня, пылавшего в Кристалле. Величиной с булавоочную головку, она стремительно выросла до размеров крепости и беззвучным пламенем полыхнула в небеса. Миллионами осколков разлетелась ночь, я зажмурилась — а когда открыла глаза, всё уже кончилось. На том месте, где стояла крепость, осталась лишь пустая скала с неестественно гладкой оплавленной поверхностью. А над ней, рассеивая остатки ночи, широкой полосой занимался розово-серый рассвет.

Теперь я могла разглядеть того, кто так внезапно пробудил меня к действию. Высокий, с гордой осанкой человека, знающего себе цену. Горбоносый орлиный профиль, узкое смуглое лицо с угловатыми скулами. Густые огненно-рыжие волосы падают на шею спутанными завитками. За спиной короткий лук, правая рука в бессильном порыве стиснула рукоять меча.

Он не смотрел на меня. Он смотрел на опустевшую скалу.

— Я опоздал, — в его голосе звучала искренняя печаль.

Он повернулся ко мне.

— Вы... отсюда?

Глупый вопрос, будто и без того не ясно. Тем не менее, я кивнула. Рыжий незнакомец представился с полупоклоном:

— Гиймар из Атриана, к вашим услугам.

— Арита, Хранительница Кристалла.

У Хранительниц Кристалла не бывает родины — они родом отовсюду.

Гиймар просвистел какой-то переливчатый сигнал. Из-за поворота донеслась ответная трель, и на тропинке, осторожно ступая по камням, показался удивительный скакун. Светло-коричневая шкура делала его почти незаметным среди песчаниковых скал, но эту маскировку нарушали мягкая грива и хвост в чёрно-белую полоску. Удлинённая шея горделиво несла изящную голову, увенчанную двумя парами чуть изогнутых белоснежных рожек, а глаза в пушистых ресницах были потрясающе изумрудного цвета. Сказка, да и только.

— А это мой верный друг и спутник, Чака.

Чудо-скакун, словно в подтверждение, кивнул головой.

Я посмотрела на своего друга, на Кристалл. Яростный белый огонь померк, теперь в его глубинах струилась усталая прозрачность. Честно говоря, мне тоже не помешало бы отдохнуть. Никогда не думала, что Последний Шаг (так называется это действие) отнимает столько сил.

И, конечно, стоило только об этом подумать, как усталость навалилась, будто большая мягкая подушка. Невежливый зевок я прикрыла ладонью, но глаза закрывались сами собой. С трудом подняв отяжелевшие ресницы (каждая — в полпуда), я встретила понимающий взгляд Гиймара.

Глаза его были светло-карими, почти янтарными.

Гиймар не сказал ни слова — только кивнул и просвистел Чаке краткий сигнал. Скаун подобрал свои длинные ноги и улёгся на камни. Гиймар скинул плащ и расстелил его возле бока животного.

— Устраивайтесь, сударыня. Отдыхайте, я постерегу.

Сунув Кристалл в сумочку на поясе и подобрав юбку, я почти упала на плащ, прижалась щекой к короткой шёрстке скакуна — и тут же крепко уснула.

Когда я проснулась, Гиймар сидел, по-восточному скрестив ноги, и смотрел на бледно-розовую рассветную полосу. Солнце ещё не встало. Неужели я умудрилась так быстро выспаться?

Словно почувствовав мой взгляд, Гиймар обернулся.

— Доброе утро, сударыня.

— Ещё только утро?

— Вернее сказать, уже утро. Вы проспали чуть больше суток.

Больше суток?! А он сидел и охранял меня? М-да...

Чака повернул голову, в упор глянул на меня зелёными глазами, и я вдруг вспомнила, что читала в старых книгах о таких, как он. Тере — так звались эти существа, были они по-своему разумны и слушались далеко не каждого. А значит...

А значит — не так уж и прост его хозяин, Гиймар-атрианец.

— Э... кто вы?

Он сразу понял, что я спрашиваю не об имени и происхождении.

— Я — Рунный Стрелок.

Рунный Стрелок! Этой способностью — формировать символы и с их помощью обузывать пространство и энергию — был наделён далеко не каждый, и далеко не каждый мужчина мог стать Рунным Стрелком, точно так же как и не каждая женщина — Хранительницей Кристалла.

— Вас послали из Центральной Цитадели?

— Нет, я просто оказался поблизости. Собирался возвращаться, но понял, что нужнее здесь — знаете, седьмое чувство в левой пятке. Я спешил всю ночь — но не успел.

Он уставился на показавшийся между двух пиков оранжевый краешек солнца.

— Простите ли вы меня, сударыня?

Может, по столичному этикету дамам и полагалось такое сверхвежливое обращение, однако я к нему не привыкла. От этого «вы» и «сударыня» так и веяло церемонными поклонами до земли.

— Ради всех небес, хватит заниматься самоедством! Вы тут ни при чём, один человек, даже Рунный Стрелок, не смог бы изменить соотношения сил. И хватит говорить мне «вы» и «сударыня». Называйте меня Аритой — и на «ты».

Гиймар посмотрел на меня, слегка наклонив голову.

— Тогда и меня — тоже.

— Что, тебя тоже звать Аритой?

Плоская шуточка, ничего умнее я придумать не смогла — но на лице Гиймара наконец-то появилась улыбка. Она смягчила угловатость его черт и

сделала его на полдесяток лет моложе. Правда, погасла она так же быстро, как и вспыхнула.

— Ну и куда ты думаешь податься?

А в самом деле — куда?

Отец как-то рассказывал мне о своей сестре. Тётушка Марота с улицы Дилленим. Может, и в самом деле?..

— А ты?

— Я возвращаюсь в Атриан.

— Я тоже.

Гиймар не спросил ни о чём — лишь слегка наклонил голову.

— Значит, нам по пути.

Он встал, галантно подав руку, помог подняться мне. Повинуясь короткому свисту, поднялся и тере.

— Забирайся, — кивнул Гиймар на седло. — Я хожу куда быстрее, да и обувь у тебя... — он выразительно посмотрел на мои ноги.

Действительно, вряд ли в домашних фетровых башмачках одолеешь большое расстояние по камням.

Сидеть верхом в длинной юбке было неудобно, а для езды боком седло приспособлено не было. Я всё же кое-как примостилась, обеими руками вцепилась в заднюю пару изогнутых рожек и кивнула Гиймару:

— Трогаем.

Он небрежно кинул плащ на плечо, подобрал поводья — и под горячими лучами стремительно встающего солнца мы двинулись в путь.

А вокруг буйствовала горная весна. Шестнадцать лет я живу на свете — и каждый раз удивляюсь ей заново.

Весна — самое яркое время в горах. Солнце, набравшее летней ярости, ещё не успело выжечь траву и прогнать цветы выше в горы, и они цеплялись за каждую трещинку скалы, каждую щербинку, где могло найтись хоть немного земли. Маки-однодневки во всём великолепии цветов от огненно-алого до белоснежного и скромные горечавки, жёлтенькие сурепки и пёстрые цветы-глазастики с длинными стеблями лепились в глубоких трещинах на вертикальной скале. Деловито карабкавшийся кверху плющ с белокаёмчатыми листьями выпустил несколько почти незаметных тёмно-красных цветов и теперь, казалось, с неодобрением посматривал на дикую розу у тропы, раскрывшую, словно ладони, два бледно-розовых цветка лишь вполовину меньше собственного роста. Светло-лиловые стрелчатки кустарничка верели сумеречно мерцали из глубины тёмной зелени, словно южная принцесса, зябко кутающаяся в шаль. В воздухе сновали прозрачнокрылые блестящие насекомые, за ними охотились юркие глазастые гекконы. Громкие крики крошечных птичек-трубачей делали этот праздник жизни ещё торжественнее. И только карликовые сосны оставались по-прежнему тёмно-зелёными, замкнутые и гордые в своей неизменности, да в звеняще-голубом небе степенно кружили два орла.

Гиймар стремительно и легко шагал впереди, Чака ровно трусил за ним, и я удивилась: откуда в этом человеке такая выносливость? Ведь мы шли уже несколько часов, а он до сих пор не выказал ни тени усталости.

После полудня скалы внезапно отшатнулись от тропы, стали пониже, и мы вышли в небольшую, поросшую травой ложбинку. Из-под камней выбивался и приветливо петлял по траве чуть золотистый ручеек.

— Привал, — объявил Гиймар.

Я облегчённо разжала руки и соскользнула с седла — прямо в широкие ладони атрианца.

— Да уж, — усмехнулся он, — хоть ты и горная ведьма, но наездник из тебя никакой.

Впору было бы обидеться... если бы не то, как он произнёс слово «ведьма». Его тон заставлял вспомнить не общепринятое значение — «та, что якшается с тёмными силами», — но древнее, изначальное: «знающая».

Отдохнув и разделив скудные запасы Гиймара, мы двинулись дальше. Вскоре опять потянулись скалы.

*

Я сидела и смотрела на луну. Шла третья ночь нашего пути. Близилось полнолуние, ночи были светлые, но мы всё же разводили небольшой костерок и по очереди дежурили, поддерживая его. Короросы нам, конечно, не грозили, но с горным зверьём приходилось считаться.

Гиймар не переставал удивлять меня своей выносливостью, быстрым умом и опытностью, но в первую очередь — своим отношением ко мне. Кто угодно возмутится, если ему в попутчицы навяжется совершенно не приспособленная к походной жизни девица. Но манеры Гиймара не были ни холодно-вежливыми, ни язвительными — он обращался со мной как с равной.

Я искоса глянула на него. Спит себе в обнимку с Чакой, улыбается чему-то во сне, рыжая шевелюра растрепалась и отсвечивает медными бликами от костра — а на лице полнейшая беззаботность.

Ночь была полна шорохов, чьих-то пересвистов и вскриков. Изредка тень какого-нибудь зверя бесшумно скользила под луной, не приближаясь, однако, к огню. Серебристый лунный свет делал всё чуть-чуть нереальным, и казалось, что мы с Гиймаром — единственные люди на свете.

Мы вдвоём — я и Кристалл — сидели рядом и слушали, как плавно, чуть волнисто льётся с небес песня лунного света.

*

Вставало солнце, над нами щебетали птицы, и всюду, куда ни глянь, поднимались бескрайние горы.

И вдруг... Вроде бы всё осталось таким же — но что-то изменилось, незаметно, почти неуловимо. В воздухе словно повис серый туман предвестия беды, с каждым ударом сердца всё нарастающего.

— Гиймар! — отчаянно закричала я, соскользнув наземь и выплёскивая в этом крике переполнившее меня ощущение. — Надо спрятаться, скорее!

— Успокойся, — бросил Рунный Стрелок, одновременно быстро впихивая меня и Чаку в расщелину, прикрытую сверху каменной глыбой.

И вовремя.

С нависшего над нами карниза скатилось несколько камешков, потом ещё, и ещё, и вскоре горы загудели от несущейся по ним каменной лавины.

Огромные глыбы падали прямо перед нашим убежищем. Чака испуганно дрожал и прядал ушами. Я, вжавшись в угол, молилась всем богам, прошлым, теперешним и будущим, чтобы не завалило выход или не обрушился карниз, Гиймар обнял за шею скакуна и настороженно всматривался в каменную завесу. Другой рукой он отыскал мою ладонь и ободряюще стиснул её,

— Держись, Хранительница, — пробормотал он. — Нам ещё рано падать.

Я ответила благодарным пожатием.

Наконец камнепад пошёл на убыль и вскоре прекратился совсем. Выход был свободен. Мы ещё немного подождали — на всякий случай — и выбрались наружу.

А ещё через минуту мы стояли у снесённого каменной лавиной моста. Канаты, которыми он крепился с нашей стороны, были оборваны, и мост медленно раскачивался с другой стороны непреодолимой пропасти, роняя брёвна в поднимающийся со дна туман.

— Та-ак, — раздумчиво протянул Гиймар.

— Этот путь единственный? — лягнула я и тут же мысленно обругала себя: «Дура, думаешь, ему не пришла такая мысль?»

Атрианец быстро глянул на меня, потерев подбородок, наконец решился:

— Единственный безопасный.

— А насколько опасен второй?

— Намного, — в голосе Рунного Стрелка появилось напряжение. — Это Тёмный Путь.

Я не трусиха, но тут я вздрогнула. Тёмный Путь (не к ночи будь помянут) — так называлась дорога, пересекавшая цепь крепостей, захваченных короросами много веков назад, когда мы ещё не знали, чего от них ожидать и как с ними бороться. Хуже всего было то, что в захваченных крепостях остались Кристаллы, и потому короросам Тёмного Пути, прикрытым их силой, не был страшен ни солнечный свет, ни огонь, ни даже сила других Кристаллов — правда, лишь до тех пор, пока они не покидали крепостей.

Сколько я себя помню, тень Тёмного Пути всегда нависала над нашей заставой. Но одно дело — знать, и совсем другое — осознать, насколько же он близко...

— Третьего пути нет? — мой голос предательски дрогнул.

Гиймар, порывшись в сумке, извлёк потрёпанную карту, долго разглядывал её и наконец изрёк:

— Нет.

И добавил:

— Но мы его найдём.

Для его деятельной природы безвыходных положений не существовало. А решения он принимал быстро.

— Мы вернёмся назад. Вот здесь, — его палец упёрся в едва заметный значок на карте, — есть проход среди скал...

— Куда?

— Честно говоря, не знаю. И наверняка там полнейшее бездорожье — но всё же это лучше, чем Тёмный Путь. Вопросы есть?

*

Обозвать наш путь непролазным бездорожьем было, конечно, несправедливо, но тропы там действительно не было — даже намёка на неё. Мы шли медленнее обычного, чтобы Чака не переломал среди камней свои длинные ноги. За день мы сделали не больше пяти лиг, но вымотались так, словно одолели все двадцать.

К вечеру небо затянуло тучами. Смеркалось быстро, и у первого же родника мы остановились на ночь. Пока я разводила костёр, Гиймар взял свой лук и через некоторое время вернулся с двумя горными куропатками (как он только углядел их в сумерках?).

Два последующих дня были неотличимы от этого. Тропа петляла, как испуганный трубач в полёте. Я давно уже оставила попытки представить наш путь на карте и лишь по привычке определяла направления поворотов: на юг... на восток... на север... опять на восток... В основном мы шли на восток, и каждый вечер оставляли солнце позади, но к утру оно снова обгоняло нас и победно выкатывалось из-за скал — рыжее, растрёпанное, ликующее.

Утром третьего дня тропа снова свернула, и теперь мы шли над глубокой пропастью, казавшейся бездонной. В её глубинах лениво клубился ночной туман — солнечные лучи ещё не добрались до него.

Теперь мы шли на юг... впрочем, недолго. Тропа свернула ещё раз — опять на восток, — и перед нами, закрывая путь, распахнулся тёмный зев пещеры.

Вот вам и выход из безнадежного положения.

Чака тоненько присвистнул — точь-в-точь как удивлённый человек. Гиймар потрепал его по холке.

— Да уж, дружище, действительно «фью».

Но не в привычках Гиймара было поддаваться унынию. Насмотревшись на этот «вход в никуда», он тут же стал искать выход.

— Знать бы, куда ведёт эта катакомбина... — пробормотал он себе под нос и повернулся ко мне: — Арита, ты можешь проверить направление?

Проверить направление? Конечно, мама учила меня этому — как и другим приёмам работы с Кристаллом. Но это было давно, и с тех пор я ни разу им не пользовалась. Удастся ли мне вспомнить нужные действия?

Но Гиймар смотрел на меня, и в его глазах я видела надежду. Он верил в меня — разве же могла я подвести?

— Я попробую.

Грани Кристалла прохладны и гладки, внутренние токи слегка покалывают пальцы. Я закрыла глаза, сосредоточилась, вызывая в памяти нужные жесты — и мои руки двинулись, вычерчивая на гранях замысловатые линии.

Два разума, мой и нечеловеческий, стремительно сливались, настал миг полного единения — и мир во всём богатстве распахнулся перед нами! Звуки обрели цвет, краски — вкус, мироздание предстало невероятно сложной тканью из радужных нитей — движущихся, мерцающих, переплетающихся... Нет, не познавшему этого не рассказать.

Выждав первые моменты опьянения буйством чувств, я напомнила Кристаллу: пещера. Надо проверить пещеру.

Бесконечные тёмные переходы... Несомненно — они тоже вели на восток, как и наш путь.

Гиймар коротко кивнул, когда я сообщила ему об этом.

— Но что ещё важнее, Гиймар — в пещере есть выход! Причём достаточно большой, чтобы нам выбраться.

— И далеко?

— М-м-м... лиг десять, может, чуть больше.

— Десять... то есть за день доберёмся.

Он подошёл к Чаке и проверил содержимое седельных сумок.

— Провизии у нас дня на два, воды тоже достаточно. Рискнём?

Ну что же это за риск, если на него идёшь вместе с таким мастером по выходам из безнадёжных положений! Я тряхнула головой и с беспшашной улыбкой бросила:

— Рискнём!

Неподалёку от пещеры скалы украшала густая поросль низеньких корявых сосенок. Гиймар направился к ним, чтобы наломать смолистых веток. Мне стало жаль упрямые деревца.

— Постой, — окликнула я его, — не надо факелов!

— Мы как, на ощупь пойдём?

— Нет, я буду освещать дорогу Кристаллом. Я умею.

— Ну, Арита, я уже начинаю сомневаться, есть ли вообще такое, с чем бы ты с помощью Кристалла не справилась. В самом деле, неужели нет?

— Есть. Я не умею летать, замедлять время, воскрешать мёртвых — да и много ещё чего. Но я читала, что некоторые Хранительницы умеют и это. Я ведь не заканчивала Высокую Школу.

Некоторое время мы смотрели друг на друга... и вдруг засмеялись — громко, весело, безо всякой причины. С лицом, озарённым улыбкой, Гиймар подал мне руку, помогая спешиться.

— Ну что, идём?

Я соскочила наземь, пятернёй отбросила за спину спутанные волосы и, не выпуская его ладони, ответила:

— Идём.

*

Теперь мы шли гуськом: я — впереди, освещая путь голубоватым сиянием Кристалла, Гиймар — за мной, Чака замыкал шествие. Тере не нравилось под землёй, он то и дело нервно посвистывал.

Этот путь проложил водный поток, давным-давно ушедший отсюда. Стены покрывали беловато-жёлтые наплывы, свивавшиеся в замысловатые кружева, на них кое-где поблёскивали слюдяные вкрапления и капельки влаги. Гиймар начал что-то напевать себе под нос, голос его подхватило эхо.

*Путь
То ли не был, то ли был,
В бурю или в штиль плыл
Не бродяга, не пророк
На восток.
Чем богат когда-то был —
Он не говорил, и
Что за золото искал —
Сам не знал...*

Наверху набирало силу весеннее солнце — здесь же было царство камня и воды, скрытое во мраке. Но безжизненным оно не было. На песчаном полу пересекались и разбегались в разные стороны странные следы, пару раз мы видели существо, их оставившее — нечто вроде большой мохнатой сороконожки. Оно боялось света и, увидев нас, быстро скрывалось в боковом проходе. Безглазые белёсые змейки щерились на нас со стен. А однажды огромная стая летучих мышей сорвалась с потолка, на миг окружила нас шумной мельтешащей тучей и умчалась в сторону выхода, вереща и хлопая крыльями.

Мы спускались всё глубже, становилось всё холоднее. Кое-где тоннель расширялся, образуя пещеры. С потолка свисали сталактиты, мерно ронявшие капли воды, с пола к ним тянулись сталагмиты, и от этого пещеры казались огромными зубастыми пастьями. Подчас сталактиты и сталагмиты сливались воедино, и тогда пещеры становились похожи на залы подземного храма с множеством колонн. Наши шумные шаги кощунственно нарушали царившую там вековую тишь.

На привал мы остановились у родника, похожего на застывший водоворот.

— Погаси свет, — посоветовал Гиймар. — Побереги силы. Куска мимо рта не пронесём, а идти нам ещё прилично.

Мы перекусили в полной темноте. Чака схрупал два дорожных хлебца и, видимо, ткнулся Гиймару в руку, прося добавки, потому что я услышала тихий смех атрианца.

— Ах ты, баловень! Нет уж, хватит с тебя, друг мой рыженький. Вот выберемся отсюда — выпущу тебя в луга на целую неделю.

Чака слушал и ехидно посвистывал, словно говоря: «Ну-ну! Соловья баснями не кормят! Особенно такого большого соловья».

Счёт времени я давно уже потеряла. Всё новые и новые залы и коридоры возникали перед нами, во всём своём разнообразии неотличимо схожие. Голубоватый свет Кристалла мягко отражался от стен...

Я так и не поняла, каким образом смогла уловить это едва заметное изменение света.

Более сильное отражение?

Нет!

Из бокового прохода в полусотне шагов от нас как-то неуклюже, боком, появилось странное бесформенное создание, излучавшее бледно-голубой свет, похожий на сияние Кристалла. Выбралось, вытянуло из отверстия длинный хвост — и поплыло на нас. Двигалось оно с неторопливой целеустремлённостью охотника, уверенного, что добыча никуда не денется и не окажет сопротивления.

Не больше мига смотрела я на этот светящийся ужас — внезапно что-то сильное отшвырнуло меня назад. Я упала, выронив Кристалл, его свет угас — но тьма не наступила, подземный охотник освещал пещеру не хуже Кристалла. И в этом призрачно-голубоватом сиянии впереди встал Гиймар.

Без единого лишнего движения он сдёрнул с плеча лук, натянул тетиву — но стрела канула в голубой туман, не причинив, похоже, никакого вреда. Тварь, озадаченная трепыханием жертвы, на миг нерешительно остановилась — но тут же выбросила широкие лентовидные щупальца, потянулась ими к Гиймару.

Тот же, бросив бесполезный лук, чертил руками в воздухе замысловатые знаки. Ладони его мелькали с нечеловеческой скоростью, оставляя полосы золотого света. Сияние подземного охотника запульсировало, он неумолимо надвигался... и тут Гиймар вскинул руку в жесте, похожем на древнее приветствие. Басовитый гул наполнил пещеру — словно сорвалась огромная тетива. Золотой рисунок, словно пущенная стрела, рванулся вперёд... соприкоснулся с чудовищем... На миг они замерли в причудливом слиянии — создание подземных глубин и творение рук человеческих. Голубой и золотистый сливались, плавилась друг в друге, рождая ослепительную белизну.

Совсем как при взрыве крепости, внезапно поняла я — и зная уже, что будет дальше, быстро заслонила глаза рукой.

Недостаточно быстро.

Краем глаза я успела заметить, как языками белого пламени разлетается то, что было подземным охотником, как Гиймар отшатывается, закрывая лицо руками. Горячая волна окатила меня...

А потом воцарилась тьма — и тишина.

Немного выждав, я позвала в темноту:

— Гиймар!

Молчание.

— Гиймар!!

— Ахш-ш! — послышалось в ответ. Затем странно невыразительным голосом: — Кажется, я сломал ногу... — и ещё несколько мгновений спустя: — Нет, только вывихнул. Но всё равно скверно.

Я перепугано нашарила на полу Кристалл, он засветился в моих руках — медленно, несмело, словно ощупывая темноту осторожными лучами. Гиймар сидел у стены, закрыв глаза и стиснув зубы. В голубоватом свете Кристалла его внезапно побледневшее лицо казалось серым.

— Арита... тебе придётся мне помочь.

— Да? — я присела рядом.

— Пристрой куда-нибудь Кристалл, чтобы освободить обе руки. Потом возьмёшь меня за ногу и, когда я скажу, как следует дёрнешь. Ясно?

— Да... но Кристалл... если я его выпущу, он погаснет.

— Пусть гаснет, — нетерпеливо разрешил Гиймар, — ориентируйся на ощупь.

Ладно. В темноте я нашарила Гиймарову ногу.

— Эта?

— Угу... да не так же! — невидимые руки грубо схватили мои ладони, придав им правильное положение. — Буду кричать — не обращай внимания... Тяни!

Я рванула. Гиймар просто взвыл! Я испуганно разжала руки.

— Да всё уже, всё. Можешь зажигать свет.

Я поспешно засветила Кристалл. Гиймар сидел, обхватив ногу обеими руками. Когда он убрал ладони, стало видно, что лодыжка явственно распухла. Проследив мой взгляд, атрианец криво усмехнулся:

— Это уж я сам убереу. Но тебе придётся покараулить.

— Ладно.

— Если вдруг что — буди меня немедленно.

Отдав последние указания, Гиймар устроился поудобнее и закрыл глаза. Я знала этот способ: атрианец погрузил себя в особый сон, в котором тело исцеляется со сверхъестественной быстротой. Хотя почему — сверхъестественной? С обычной, свойственной человеку, но зачастую не используемой.

Я смотрела на его сосредоточенно-спокойное лицо... и вспоминала, как он стоял против подземного охотника — воитель, принёсший под землю солнечный свет. Я вспоминала его быструю улыбку, и неунывающий взгляд, и непривычную галантность — вспоминала каждую его черту, словно заново открывая для себя человека, с которым прошла многие лиги нелёгкого пути.

Гиймар пошевелился и вздохнул во сне. Я поспешно отвела взгляд, вспомнив, что нельзя в упор смотреть на спящего.

Чаке же никакие правила приличия не мешали разглядывать обожаемого хозяина.

Внезапно мне пришло в голову: я могу и не заметить появления подземного охотника, ведь его сияние почти неотлично от свечения Кристалла! Да и само поддержание света требовало затраты сил — небольшой, зато длительной...

Я погасила Кристалл.

И тут же чуть не пожалела об этом.

Обступившая меня тьма не имела ничего общего с земной ночью. Там, наверху, темнота никогда не бывает совершенно непроглядной: луна, звёзды, светящиеся облака не дают ей стать такой. Здесь же, под землёй, тьма безраздельно царила долгие века, и по сравнению с ними лишь кратким мигом были те часы, на которые дерзкие чужаки заставили её потесниться. Она была настолько бездонно-черна, что невозможно было различить, открыты у тебя глаза или закрыты.

Тихо и незаметно эта темнота перешла в другую, ещё более глубокую. Я и не заметила, как тоже уснула.

Проснувшись я оттого, что меня яростно тормозили за плечи.

— М-м-м? — только и смогла я изречь невразумительным вопросом.

— Послушай, Арита, это уже не назовёшь разумным! — никогда бы не подумала, что всегда спокойный Гиймар может так злиться. — Какого... чёрта ты погасила свет?

Он явно хотел высказать нечто покрепче, но сдержался.

— Ох... Гиймар, извини.

Я снова зажгла Кристалл. Гиймар смотрел на меня, как на привидение.

— Какого лучшего ты это сделала? — повторил он свой вопрос. Меня вдруг возмутил его тон.

— Послушай, друг-атрианец, я ведь тоже не железная! Я ведь тоже устала!

— Это понятно, но ты же могла разбудить меня? Просыпаюсь — кругом темнота, ни звука не слышно. Я было перепугался, что тебя уволокла какая-то подземная зверюга!

Он испугался... за меня? Он беспокоится обо мне! Эта мысль, непонятно почему, согрела мою душу.

Бросив на меня ещё один сердитый взгляд, Гиймар скомандовал:

— Ладно, идём.

Тоннели разветвлялись и переплетались причудливым лабиринтом. Порой запутанный проход, такой низкий, что приходилось идти, пригнувшись, выводил нас в огромный зал, где наши шаги, отразившись от утонувших во мраке стен, возвращались странными шёпотами, медленно крившимися сквозь тысячелетнюю незыблемую тишь.

Останавливаясь на развилках, мы ориентировались по Кристаллу — он бросал ярко-синие искры в нужном направлении.

Понемногу тоннель начал подыматься: песчаный пол стал суше, исчезли капли влаги со стен. И наконец мы ощутили на лицах первое дуновение ветра снаружи.

Чака тревожно засвистел, прядая ушами. Гиймар резко втянул воздух и застыл в сторожкой позе дикого зверя. Свет Кристалла пригас, ушёл внутрь — это мои пальцы непроизвольно дёрнулись, переводя Кристалл в боевой режим.

Потому что он пах бедой, этот ветер.

— Арита, — не глядя на меня, тихо произнёс Гиймар, — ты чувствуешь?

— Да.

Двигаясь неслышно и пружинисто, словно скальный кот, Гиймар подошёл к Чаке, порывшись в сумке, извлёк кусочек мела.

— Я на разведку, ждите меня здесь. Если явится какая-нибудь подземная нечисть — бегите к выходу. А если уж совсем хана — зови меня во весь голос.

— А услышишь?

— Думаю, да.

Он сделал меловую отметку на стене и бесшумно исчез.

Я стояла, сжимая в ладони поводья Чаки и непрерывно оглядываясь. Стены огромного зала тонули во тьме. Минуты тянулись одна за другой, и каждая казалась столетием... и я едва не пропустила миг, в который окружающий свет снова изменился.

Точно зачарованная, не в силах ни крикнуть, ни пошевелиться, я смотрела, как в темноте проявляется призрачно светящееся голубое пятно. Рядом с ним тут же замерцало второе... третье... Словно опытные загонщики, подземные твари начали медленно надвигаться на нас.

Чака резко фыркнул и рванулся. Это стряхнуло с меня оцепенение. Скорее бежать — туда, следом за Гиймаром! Какая бы опасность там ни ждала — она настанет потом, тогда как сейчас эта охотничья команда грозитя оставить от нас рожки да ножки.

Я ещё размышляла таким образом — а ноги уже несли меня прочь бок о бок с испуганным тере. В стене четыре прохода, мелом отмечен второй слева. Беглый взгляд через плечо — голубое сияние, уже слившееся в сплошной светящийся занавес, не приблизилось, но и не отстало ни на шаг. Подоткнув обтрёпанную юбку, я нырнула в проход следом за Чакой.

Вскоре узкий коридор расширился. На бегу я снова оглянулась — сомнения не было: подземные загонщики настигали нас, медленно, но неумолимо.

— Гиймар! — вскричала я громко и отчаянно, не надеясь уже ни на что.

Атрианец вырос рядом, словно из-под земли. Одного взгляда ему хватило, чтобы оценить обстановку. Он тут же схватил меня, закинул на спину тере — благо высота потолка позволяла — и, накрутив на руку поводья, пустился бежать ничуть не медленнее скакуна. Я изо всех сил вцепилась в полосатую гриву.

Эта бешеная скачка оборвалась возле одного из боковых коридоров, тесного почти до непроходимости. Я стремительно соскользнула на пол.

— Что там, снаружи?

Гиймар отрицательно мотнул головой

— Не знаю... но неважно. Это зверьё за спиной сейчас опаснее, чем любая напасть впереди. Есть шанс, что на поверхность они за нами не пойдут.

Ну что ж... если шанс есть — упускать его не следует.

Казалось, весна никогда не приходила в этот край. Высокая сухая трава похрустывала под ногами, ровный холодный ветер дул в лицо. Я зябко поёжилась.

Только теперь, когда мы достаточно отошли от пещеры и могли больше не опасаться подземных чудовищ — только теперь я смогла оглядеться.

Пепельно-голубоватый свет Кристалла ложился на траву размытым кругом — а за пределами его стояла тьма, такая же непроглядная, как и под землёй. Ни отблеска света, ни намёка на огонёк. Мёртво шелестела сухая трава. У ветра был уже знакомый мне лдяно-стальной привкус — привкус страха.

Тьма и холод. И безжизненность. И страх.

Внезапно я поняла, куда мы попали — и открытие это сковало меня неодолимым ужасом.

По лицу Гиймара я видела, что он тоже понимает.

Атрианец первым решился нарушить молчание.

— Арита... мы угодили в самую середину Тёмного Пути.

— Да.

Возвращаться назад было верной гибелью — мы оба понимали это. Но так уж устроен человек, что даже в минуты смертельной опасности не перестаёт надеяться, что ему повезёт и всё обойдётся.

Гиймар снова достал карту, примяв траву, развернул её на земле. Двумя камнями прижал углы. Мы склонились над ней, едва не стукнувшись лбами.

— Мы были... здесь, — палец Гиймара упёрся в какую-то загогулину. — А вот где мы сейчас — это вопрос.

Он почесал за ухом.

— Попробуем подумать логически. Ты говорила, что этот ход ведёт прямо на восток?

— Вроде бы да. Хотя мы могли немного отклониться в сторону.

— Так. Ладно, в качестве гипотезы примем, что мы никуда не отклонялись. Теперь остаётся только сориентироваться, куда же мы попали.

Он огляделся.

— Ничего не видно... однако мне кажется, я здесь уже бывал, и не раз. Если бы увидеть что-то знакомое... — он потер ребил подбородок. — А посему предлагаю пока идти как шли, а там определимся поточнее.

Он скатал карту, взял поводья Чаки — и мы снова двинулись в путь.

Сухая трава стелилась под ноги с шелестящим хрустом — так хрустит под ногами иней на рассвете поздней осенью. Что-то неуловимое, давящее было во всём: в этой мёртвой траве, в беззвучии окружающей темноты, в самом воздухе — словно дым давно отгоревших пожаров. Гиймар снова затаил было свою песню о дороге на восток, но быстро умолк — видно, эта мертвенная тишина давила и на него.

Внезапно на краю освещённого круга что-то появилось. Я шагнула поближе.

Это был высокий столб из песчаника с белыми прожилками. Все четыре его стороны были покрыты замысловатой резьбой. Такие столбы ставят на

развилках дорог и на границах земель, опекаемых какой-нибудь крепостью. В узоре на его гранях были скрыты направления и расстояния до ближайших крепостей.

Я подняла Кристалл повыше, чтобы разглядеть герб на верхушке столба. В детстве меня учили многому, в том числе и геральдике, и этот герб — алый меч, сломанный на три части, на белом поле — был мне явно знаком. Я прикрыла глаза, вспоминая: да — крепость Соран. Краски, которыми когда-то был расцвечен герб, совершенно стёрлись, остались только их следы в трещинах.

— Гиймар... — я повернулась к нему... и осеклась.

Рунный Стрелок стоял выпрямившись, стиснув кулаки, и глаза его, внезапно потемневшие, казались просто бездонными. Неизбывная боль стояла в них, словно тёмная вода — как у человека, которому разбередили глубокую, незаживающую рану.

— Арита... — голос его звучал глухо. — Знаешь, чей это герб?

— Крепости Соран, — ответила я, слегка недоумевая.

— Да, Соран... — он подошёл к столбу и уперся в него ладонью, словно пытаясь оттолкнуть от себя. — Она не так давно присоединилась к Тёмному Пути. Здесь я вырос, а Хранительницей здесь была моя старшая сестра. Она осталась в ней... и все остальные тоже — мои друзья, соратники...

Он умолк, потом посмотрел на меня — и скривился в усмешке:

— Ну что же, теперь хоть известно, где мы.

— Гиймар... — я не знала, что сказать. Произносить пустые, затёртые слова наподобие «не надо так расстраиваться»? Ха! Сказал бы мне кто-нибудь такое — я бы ему быстро высказала всё, что о нём думаю.

Сходное горе или сближает людей, или разделяет окончательно. Из крепости Иргант — моей крепости — тоже не спасся никто. Мой отец, мои братья и друзья остались там... и то, что я не оплакивала их дни и ночи напролёт, вовсе не означает моей бесчувственности. Просто я не могла себе позволить такой роскоши. Потом, когда мы доберёмся до цели, когда будем в безопасности — тогда я смогу их оплакать, и каждого вспомнить, и попрощаться с каждым по отдельности. Потом. Не сейчас.

А когда нельзя плакать — остаётся мстить.

Я выпрямилась и постаралась придать своему лицу решительное выражение девы-воительницы из легенд.

— Гиймар! — я изо всех сил старалась, чтобы мой голос не дрожал. — Твои друзья и родичи будут отомщены.

— Ну и что ты придумала? — безнадёжным тоном поинтересовался он, но я увидела, как сквозь беспросветную тоску в его глазах что-то блеснуло.

Придумала — сильно сказано, пока что это была лишь полуоформленная догадка. Я постаралась собрать воедино все мысли, мельтешиющие в голове, словно стая испуганных птиц.

— Твоя сестра не успела сжечь крепость...

— Ясное дело, нет!

— Обожди, я не договорила. Приведи меня к крепости — и я сделаю это вместо неё.

Гиймар снова глянул на меня — сперва оторопело, потом с сомнением.

— Я думал, крепость можно уничтожить только Кристаллом, специально настроенным на неё...

— Так и есть. Мне придётся настроиться.

— Это возможно?

— Да... хотя и трудно, — я не стала говорить, что никогда раньше этим не занималась и знаю, как это делается, только со слов мамы.

— Справишься?

— Постараюсь, — в этот миг меня наполнило уже знакомое чувство: Гиймар полагается на меня, он доверяет мне... и я не должна подвести его. Чувство это было сродни детской гордости подростка, с которым родители впервые заговорили на равных, но было в нём и что-то иное — какой-то незнакомый оттенок, который я пока ещё не могла определить.

— Идём. Веди меня, — я была преисполнена решимости действовать. Однако Гиймар не спешил. Он взял меня за подбородок и пристально всмотрелся в глаза. Потом он кивнул каким-то потаённым своим мыслям и отпустил меня, всей пятернёй взъерошив себе волосы.

— Арита, оцени ещё раз свои силы. Это трудно. Сможешь ли ты? Мне, знаешь ли, будет жаль потерять тебя.

О-о! После таких слов я смогла бы горы свернуть ради него! Я не колебалась ни минуты.

— Я смогу, Гиймар. Не бойся. Идём.

*

Он вёл меня по каким-то ему одному приметным знакам, пока мы не вышли на узкую тропу. Она не заросла за долгие годы владычества короросов — да и чем ей было зарастать? сухой травой? Глубокая пыль — что странно — даже под нестихающим ветром сохранила следы тех, кто прошёл здесь давным-давно. Чётко очерченные человеческие следы, путаные цепочки звериных и птичьих... а поверх них — редко, очень редко — неясные бесформенные отпечатки. Следы врагов. Так было везде, куда приходили короросы: шествуя слитным строем, они почему-то оставляли на дорогах лишь очень немногочисленные следы, а на траве следов не оставалось вовсе.

*

Словно всё ещё только начиналось, словно я снова переживала этот кошмар. Крепость была скрыта во мраке, но я знала, что она — там... и она захвачена врагами.

Совсем как моя.

Впрочем, ничто не повторяется. Гиймар был рядом, держал меня за руку, и мы не стояли перед крепостью, а спрятались в высокой траве возле каких-то валунов. Неизвестно, есть ли у короросов что-то вроде патруля или дозора, но нарвись мы на кого-нибудь — и нам бы не поздоровилось.

И всё равно не отпускает чувство, что всё повторяется...

Я разозлилась на себя: что за дурацкая привычка — колебаться и думать о ерунде, когда надо действовать?

Бестолковые мысли — прочь! Я глубоко вздохнула и сосредоточилась. Свет Кристалла ушёл в глубину... Пора.

Началом были лёгкие прикосновения двух слившихся сознаний и силовых лучей — осторожные, словно движения рук слепого. Нить за нитью я сплетала ткань настройки. Ещё две основные нити... а потом — уйма всевозможных оттенков, отзвуков, резонансов, уловимых лишь краем сознания. И, тем не менее, всё это должно быть уловлено и вплетено — настройка должна быть исключительно точной. Работать приходилось втройне осторожно, ловя паузы между ударами сердца — чтобы не потревожить короросов или не испортить настройку лишним призвуком. Только теперь я осознала, за что взялась, и дело это показалось мне почти неосуществимым — словно попытка сыграть по слуху на свирели сложнейшую органную мелодию.

Да, почти неосуществимо... но всё-таки почти.

Ещё немножко, и... и... всё! Я сама с трудом поверила, что сделала это — и преисполнилась гордости. Интересно, как бы отреагировала мама? Наверное, сказала бы: «Молодец, Арита, ты многому научилась. Но ты сделала ещё только половину».

Да, конечно — и об этом не следовало забывать.

Теперь мы трое — я, Кристалл и крепость — стали триединством. Я чувствовала каждое колебание в паутине нитей, связавшей нас. Я была каждым камнем этой древней цитадели, я была её башнями и коридорами, и каждое шевеление тьмы, заполнявшей её, отзывалось во мне гулким шорохом. Я старательно вникла в эти ощущения — внимательнее, глубже... и вдруг обнаружила: это слияние — не триединство, на самом деле нас четверо.

Я отпрянула, словно ужаленная. Сидела остолбеневши, злилась и не знала, то ли укусить себя со злости, то ли обойтись простой затрещиной. Дура! Тебе ведь не однажды говорили — не впрямую, конечно, но могла бы и сама сообразить! Сестра Гиймара не успела покинуть захваченную крепость, и её Кристалл попал в распоряжение врагов. А крепость, в которой остался охраняющий её Кристалл, взорвать невозможно.

Мой роскошный план мести с треском провалился.

Вот так, Арита! До сих пор тебе всё удавалось — и ты впрямь поверила в своё всемогущество. Вот тебе и ведро холодной воды на голову.

Кристалл безуспешно пытался меня успокоить, Гиймар тоже заметил неладное.

— Арита, что случилось?

Мне захотелось наорать на него, но я понимала, что сама во всём виновата. Скрутив в себе злость, я ответила настолько спокойно, насколько смогла:

— Ничего. Я дура. Я забыла, что в крепости остался Кристалл, и поэтому взорвать её невозможно.

Я огляделась. Кругом — тьма, крошечный мрак... совсем рядом, в двух шагах — враги... просто кошмар ночной. Злость во мне утасла — и на её место пришёл страх. Лишь огромным усилием я не дала ему стать паническим.

Гиймар запустил пальцы в шевелюру и проговорил в пространство (видно, старая привычка думать вслух):

— Так... ну и что мы будем делать?

Страх, поселившийся во мне, вопил: «Смываться! И поскорее! Пока нас не засекали!» Я беспощадно придушила его и, постаравшись (подозреваю, что безуспешно) напустить на себя вид очень рассудительной Хранительницы Кристалла, сказала:

— Гиймар, по-моему, пора уходить, пока нас не заметили.

Атрианец, казалось, не слышал меня. Какие-то неведомые мне мысли едва заметными тенями отражались на его лице. Наконец он, видимо, принял решение.

— Гиймар, пора уходить, — повторила я.

Ответ был ошеломляющим:

— Нет.

Я озадаченно посмотрела на него. Такой ответ не вязался с тем Гиймаром, которого я знала. Да, он зачастую пускался в авантюры, выглядевшие настоящим безумием, но на поверку всегда оказывалось, что эти рискованные кульбиты были заранее просчитаны — хотя и не обязательно логически. Но эта авантюра выглядела не сумасшествием, а самоубийством.

— Э... у тебя есть план? — осторожно поинтересовалась я.

Гиймар бросил на меня краткий взгляд — напряжённый, кинжально-острый и... умоляющий? Мне не показалось?

— Арита, пойми, — заговорил он горячо и быстро. — Я не могу отказаться, я должен отомстить за сестру. Она вырастила меня, она была для меня почти матерью — а я, дурак, не ценил этого, пока не стало слишком поздно. Теперь у меня есть шанс хотя бы отчасти вернуть этот долг. Пойми, я никогда не прощу себе, если отступлю теперь!

Отчего-то слова Гиймара казались мне похожими на замёрзшее озеро: сверху — яркий, сверкающий лёд, а под ним — глубина и медленные холодные тени. Я не стала выяснять, что там, в глубине — просто сдалась.

— Ладно... но что всё-таки ты предполагаешь делать?

— Я пойду в крепость и вынесу тамошний Кристалл. Тогда ты сможешь закончить своё дело.

Я ошалело уставилась на него. Это уже не похоже на самоубийство — это оно и есть!

— Гиймар, ты... ты безумец! — только и смогла выдавить я.

— Ха! Думаешь, мне жить надоело? Нет, Арита. Просто на моей памяти один парень уже проделал такое... в похожих, кстати, условиях. Если смог он — почему не смогу я?

— Но он, наверное...

— Думаешь, он всё просчитал? Ага, счазз! Он махнул, рассчитывая на удачу и свой опыт — которого у меня, кстати, не меньше.

Он потрепал по холке Чаку, постепенно успокаиваясь.

— Конечно, нам и так слишком везёт, нельзя же всё время рассчитывать на случай. Но я надеюсь, госпожа Удача всё ещё благосклонна ко мне. И ещё, знаешь...

Он отвернулся и стал вглядываться в темноту, туда, где стояла крепость.

— Если я не вернусь... ну, всякое может быть... садись на Чаку и мчи отсюда что есть духу. Держись прямо на восток, выйдешь из Тёмного Пути и попадёшь на Срединный тракт, ну а там тебе любой скажет, как добраться до Атриана. Только будь осторожна, и...

Он хотел ещё что-то добавить, но только махнул рукой.

— Всё, я пошёл.

И канул во тьму.

*

Минуты тянулись... тянулись... В одной старой книге я читала, что время можно растягивать и сжимать. Похоже, это правда.

Сидеть, как мышка... и не сметь даже высунуться из-за камня, даже посмотреть обстановку лучом Кристалла. Если в крепости заметят мои дёрганья — Гиймару точно конец.

Ох, до чего же трудно ждать!

Всё хорошо, успокаивала я себя. Гиймар отважен и опытен. Он знает, что делает. Он не растеряется и вовремя отреагирует на любую опасность...

И всё же в глубине души мой испуганный голос кричал: «Гиймар! Возвращайся скорее! Мир без тебя тёмн и пуст!»

Темнота — словно чёрная стена. И на этой стене я вновь и вновь рисовала себе образ Гиймара. Он был единственной светлой искрой в беспросветной ночи, он стоял между мной и мраком, не давая ему поглотить меня.

Гиймар, Гиймар, Гиймар... Свет клином, что ли, на нём сошёлся?

И внезапно я поняла: да! Сошёлся!

Мир Хранительницы Кристалла — зыбкая, невероятно сложная ткань из чувств, почти не уловимых сознанием. Иной раз делаешь что-то, не зная почему, говоришь что-то, не зная, откуда это знаешь. Эту постоянную туманность не следует пытаться прояснить — придёт время, и она прояснится сама. Вот почему я лишь теперь разобралась в своём чувстве к Гиймару.

Я просто влюбилась! Радостно, неистово и ошалело, как влюбляются, наверное, только в шестнадцать лет. Тьма и страх отступили, отодвинутые этим чудесным открытием.

Интересно, а Гиймар? Любит ли он меня? Хотелось верить, что да. О, если — да... Мы спасёмся, мы вернёмся в Атриан, и навсегда-навсегда будем вместе, и не расстанемся никогда!

А если — нет? О, такого не может быть! Да и какая разница? Моей любви хватит на двоих.

Но как узнать?.. Не спрашивать же напрямую. Девушке негоже первой открывать свои чувства, а уж тем паче если она Хранительница — это может быть расценено как неумение владеть собой, да и просто навязчивость. Ну что ж, придётся подождать. Рано или поздно Гиймар сам скажет.

Когда мы доберёмся до Атриана... когда мы навсегда будем вместе... начнётся новая жизнь. Я ещё не знала, какой она будет, но несомненно — чудесной.

Гиймар шагнул в освещённый круг так неожиданно, что я едва не выронила Кристалл. Не шагнул даже — ввалился. Волосы взъерошены, на лице невероятное напряжение, в глазах — огромных, прямо-таки на пол-лица — смешались отчаянная решимость и... страх?

Гиймар не пытался скрыть ни этот страх, ни растрёпанность. Он не пытался показаться героем древних сказаний, и потому ещё больше выглядел им. Героем, прошедшим через ад.

— Ты цел? — невольно вырвалось у меня.

— Цел, что мне сделается, — отозвался Гиймар хриплым шёпотом. — Держи, — что-то холодное и твёрдое вжалось в мою ладонь. — И действуй.

Разбираться с новым Кристаллом было недосуг, я просто сунула его в карман и приступила к работе.

Ещё раз проверить все ниточки настройки... подправить там, где вылазка Гиймара изменила что-нибудь... всё. Теперь пора.

Белая искорка в глубине Кристалла разгоралась медленно, но уверенней, чем в первый раз. Вот она достигла почти невыносимой яркости... теперь руку — вверх... и взрыв! Настолько ослепительный, что у меня аж в глазах потемнело. А когда темнота распалась на бесформенные клочья, в просветах между ними я увидела, что мир вокруг стал сумеречно-серым.

Короросы не выносили огня и прямого солнечного света. Объединёнными силами они создавали какое-то поле, отталкивающее солнечные лучи, и потому в их владениях стояла вечная ночь.

После взрыва ночь исчезла... но пришедший ей на смену серый сумрак был каким-то неестественным — не утренний, не вечерний. И это могло значить лишь одно: не все враги погибли вместе с крепостью. Часть их уцелела.

— Надо спешить, будет погоня, — Гиймар, похоже, думал о том же. Чакка поднялся из-за валунов на переливчатый свист хозяина. Рунный Стрелок взлетел в седло, потом помог мне сесть позади него. — Короросы твари медлительные, но упорные, и гнаться за нами они будут долго. Мы должны как можно больше оторваться от них. Держись за мой пояс и ни в коем случае не выпускай, слышишь?

Я послушно кивнула. Гиймар коротко свистнул... и мы понеслись!

Скачка была просто безумной. То, что я удержалась позади Гиймара, не слетела и осталась живой — поистине чудо. А уж сидеть верхом на галопирующем скакуне... ой-ёй! А я-то охала из-за маленькой верховой прогулки шагом! Вот уж действительно — всё познаётся в сравнении.

Скачка наша оборвалась у высоченной каменной стены, перегородившей долину. К этому времени я едва держалась на коне, полумёртвая от усталости, а в теле, казалось, не осталось ни одной целой кости.

— О ч-чёрт, я совсем забыл про эту скалу, — сквозь зубы прошипел Гиймар, потом дёрнул повод и, свернув направо, помчался вдоль неё. Я вертела головой, надеясь разглядеть какой-нибудь проход, но каменная стена тянулась и тянулась, такая же гладкая и высокая.

Везёт же нам на всяческие тупики!

Вдруг впереди послышался рокошующий шум. Он приближался, нарастая, и вскоре путь нам преградил поток, который водопадом срывался со скалы, а

дальше разливался мелкой, но быстрой и довольно широкой речушкой. Чака протопотал по галечнику, поднимая тучи брызг, и тут я решилась подать голос.

— Гиймар, я слышала, что короросы не могут преодолеть проточную воду, — мой голос был едва слышен в шуме водопада.

— Я тоже слышал, — прокричал мне атрианец. — Ты как, предлагаешь проверить?

— Наверно, придётся. Я... я больше не могу, — до чего же стыдно признаваться в своей слабости!

Чака остановился на берегу и, повернув голову, посмотрел на хозяина. Бока его бурно вздымались. Всё-таки нести двоих, да ещё с такой скоростью, да на такое расстояние...

А сам Гиймар? Железный он, что ли?

Он с сомнением посмотрел на речушку, потом оглянулся назад. Я тоже оглянулась, но ничего, кроме серой травы, не увидела.

— Ладно, — сдался, наконец, Рунный Стрелок. — Только лучше всё-таки ещё немного отойти от речки. Перейти-то, может, и не перейдут, но лучше достанут запросто.

Я вздрогнула, вспомнив страшные щупальца блёкло-серого света. И без возражений согласилась.

Ещё несколько минут, и поворот скалы отгородил нас от водопада. Здесь мы спешили. Я тут же упала наземь — ноги не держали, в глазах туманилось и двоилось. С трудом собрав двоих Гиймаров в одного, я увидела, что он сочувственно смотрит на меня.

— Ладно, отдыхай, я покараулю.

Я не заставила просить дважды. Последней мыслью было: нет, он что, в самом деле железный?

Проснулась я внезапно — от крика Чаки. Не свист, не какой-то иной звук — то был именно крик, отчаянный, задышающийся, крик безумного ужа. Гиймар, обеими руками обхватив его за шею, пытался успокоить скакуна — но безуспешно. Чака рвался из рук хозяина, косил глазами так, что виднелись белки, и в этих глазах не осталось ни капли той слегка ироничной разумности, которой отличался тере, — в них был лишь дикий, животный страх.

Неравная эта борьба продолжалась не дольше полуминуты. Чака встал на дыбы, сбрасывая Гиймара наземь, и с отчаянным криком помчался прочь вдоль каменной стены, свернул за уступ — и стук его копыт затих.

Я кое-как поднялась и села у стены. Всё тело ныло, для каждого движения приходилось собирать себя по кусочкам. Гиймар повернулся ко мне, одновременно выдёргивая меч из ножен.

— У нас гости.

Ни слова упрёка в мой адрес, ни слова о том, что это я, поверив слухам, предложила остановиться за рекой.

Негнуцимыми пальцами я вынула Кристалл и мысленно «осмотрела» окрестности. Несколько чёрных теней уже почти переправились через реку, и текущая вода не остановила их. Один, два, три... шесть. А нас только двое!

Причём я не знаю, что в таких случаях делать. Ну разве что взорвать себя вместе с ними — так ведь и это не получится, Кристаллам не свойственно самопожертвование. Впору рвать на себе волосы и проклинать собственную глупость... но этим я помешаю Гиймару, который единственный из нас способен что-то сделать.

А он уже делал: выдёргивал сухую траву. Атрианец действовал быстро, как и всегда в минуты опасности. Прикусив губу, я взяла себя за шиворот и поднялась на ноги. Гиймар быстро глянул на меня.

— Без Чаки уйти не успеем. Надо отгородиться полукругом.

Ни одного лишнего слова. Я молча кивнула и набрала полные ладони сухой, режущей руки травы.

Теперь я дёргала траву, а Гиймар своим мечом чертил на очищенной земле какие-то знаки. Клинок его был не серым, как обычная сталь, а отливал сизовато-зелёным цветом сосновой хвои.

Полукруг вышел не слишком ровным, зато большим. Своими концами он примыкал к скале, а в середине хватало места для нас обоих и ещё оставалось. По обнажённой полосе Гиймар прочертил узор из сложно переплетённых линий, дважды провёл над ним повёрнутым плашмя мечом — и над землёй встало бледное, едва различимое золотистое сияние. В этом чёрно-сером окружении оно было словно вестник иного мира.

Гиймар нахмурился и добавил к рисунку ещё несколько штрихов, но бледно-золотое свечение ярче не стало. Он хмыкнул.

— Наша защита. Не ахти, конечно, но в нашей ситуации ничего лучше не поставишь.

— А... что теперь? — рискнула я спросить.

Гиймар издал злой смешок.

— Ждать. А пока сядь-ка вот сюда, — он указал мне место под самой скалой, — и не двигайся, чем очень меня обяжешь.

А «гости» уже приближались: из-за уступа медленно, один за другим, появились шесть обрывков ночи. Они выстроились линией и неспешно двинулись на нас.

Гиймар ожидал их в спокойной неподвижности. Лишь меч выставил вперёд, прикрываясь им, да пальцы левой руки быстро шевелились, сплетая в воздухе сложные линии, а между ними проявлялось белое сияние. Я поняла: это — оружие, сходное с тем, что сразило подземного охотника.

Короросы приближались. Гиймар выжидал. Когда до врагов осталось шага два, не больше, Рунный Стрелок вскинул руку, и в воздухе блеснуло нечто вроде добела раскалённой иглы. Она вонзилась в ближайшую чёрную тень, но та не полыхнула белой вспышкой, как подземный охотник — просто осела и впиталась в землю, словно пролитая чёрная краска.

Оставшиеся пять, не останавливаясь, даже не замедляя движения, растянули строй вдоль всей защитной полосы. Они наступали одновременно, шаг в шаг, с пяти сторон.

А Гиймару надобно время, чтобы начертить свой сверкающий знак! Да и всех пятерых одновременно ему не сразить! А я ничем не могу помочь!

Спокойно, Арита, можешь. Тем, что не станешь паниковать.

Один из короросов вытянул щупальце, намереваясь пересечь защитную черту. Треск, ярко-жёлтая вспышка — и коророс беззвучно отпрянул, поскользя припав к земле. Его собратья остановились у черты и оцетинились отростками — по десятку каждый. И с каждого заструился серый луч.

И тут же меч Гиймара взлетел наперерез. Никогда не думала, что человек может двигаться с такой скоростью! Он прямо-таки расплылся у меня перед глазами, а когда оформился снова, оказалось, что половину лучей он отразил мечом, а от второй половины просто увернулся. Отражённые лучи приобрели серо-зелёный оттенок, близкий к цвету клинка.

Феерическое зрелище! Однако тут же мне стало не до того. Все лучи, не попавшие в Гиймара, обрушились на стену позади него.

Я вжалась в землю, мечтая уменьшиться, исчезнуть. Серые лучи мягко ложились на камень, а зелёные рикошетили, выбивая искры и осколки. Действия зелёных лучей я не знала и не желала выяснять на своей шкуре.

И такой ливень — с пяти сторон. Мамочки! Не знаю, куда относить то, что меня не задело: на счёт безумного везения или же молниеносного интуитивного расчёта Гиймара.

Однако любопытство было сильнее страха — и я рискнула поднять голову.

Гиймар не терял времени даром! За чертой осталось только трое врагов, одна рука атрианца неустанно отражала атаки, а другая сплетала четвёртый знак-стрелу. Что-то жутковато-нереальное было в этой безмолвной битве, где единственным звуком был хруст травы под ногами Гиймара.

Добела раскалённая игла вот-вот сорвётся с пальцев. Снова взметнулся меч, серые и зелёные лучи брызнули во все стороны. Один из зелёных перпендикулярно отразился от стены над моей головой — и, вторично отражённый, ударил в спину Рунному Стрелку.

Гиймар рухнул на траву, и четвёртая стрела, сорвавшись с пальцев, бесполезно ушла в землю. Защитная черта погасла, один из короросов медленно двинулся вперёд...

Ярость и боль полыхнули во мне — безумная ярость и безграничная боль. Алая пелена упала перед глазами, вышибив остатки соображения. Краем мозга я осознавала, что мчусь вперёд, на бегу вычерчивая по граням Кристалла какие-то невероятные линии, которым меня никто не учил. Блёкло-серые лучи изогнулись, точно ленты тумана, огибая меня — так неистовы были моя боль и ярость, и разбуженная им неуправляемая сила.

Контроль — основа работы с Кристаллом... но когда доходит до такого, весь контроль летит к чертям. И я не пыталась овладеть собой — я неслась на гребне этой алой волны. Даже если она меня сомнёт, раздавит — плевать. На всё плевать, всё неважно — кроме упавшего на траву Гиймара.

Узкий, неистово яркий луч вырвался из вершины Кристалла. Он был золотисто-янтарного цвета, словно солнце на закате, и, казалось, уходил в бесконечность. Сжимая Кристалл двумя руками, словно меч, я хлестнула наотмашь по надвигавшимся врагам. И ещё раз. И ещё. И ещё...

И... всё.

Янтарный луч погас. Короросы бесследно исчезли. За оголённой полосой земли горела трава. Свинцово-серое небо понемногу темнело. Надвигалось новое воинство короросов? Или просто опускалась ночь?

Какое мне, впрочем, до этого дело! Я упала на колени возле Гиймара.

Он лежал в какой-то неестественной, изломанной позе. Повёрнутое набок лицо из смуглого стало серым. Уголки бровей слегка вздёрнуты — словно, прежде чем упасть, он успел ещё удивиться: удар сзади? не может быть...

Я схватила его, обняла, прижала к себе... но уже чувствовала, что Гиймара там нет — он уходил, ускользал, оставляя за собой пустоту... ушёл... невозвратно... И только теперь, потеряв его навеки, я поняла, до чего же сильно люблю его.

Не выдержав, я вскинула голову к темнеющему небу и завывала — тоскливо, долго и отчаянно, как волки воют на луну. Стена эхом отразила мой крик, и казалось, она отзывается моему горю.

Слёзы текли по лицу. Я раскачивалась, прижимая к себе тело Гиймара, и изливала небесам свою боль. Гиймар, Гиймар! Мой герой, мой любимый, свет жизни моей! Как жить мне теперь без тебя? Без тебя, без твоей быстрой улыбки, без твоего янтарного взгляда?..

Не знаю, сколько прошло времени. Очнулась я, когда уже совсем стемнело. Как ни горько — настала пора прощаться.

Я прижалась губами к холодному лбу Гиймара, провела рукой по его голове, осторожно распутывая волосы. Слёз больше не было — только глухие рыдания рвались из груди.

Пустота... вот и всё, что оставил он позади. И в эту пустоту словно рухнула часть моей души, и я сжалась, как от прикосновения ледяного ветра. И почувствовала... нечто едва осязаемое — словно след, оставленный на дороге, чуть заметный отпечаток в пыли.

След на дороге, ведущей к Последнему Занавесу.

«...И твоя боль станет моей болью, твой путь — моим путём...» — откуда-то всплыло в памяти. Фраза древнего свадебного ритуала.

Путь —

То ли небыль, то ли быль...

Путь...

Но... я так люблю жизнь!

И Гиймара тоже люблю.

А какая любовь сильнее?

Обе сильны. А значит, выход есть — только один.

Но... вернуться из-за Последнего занавеса невозможно. И вернуть ушедшего — тоже. Смерть неодолима...

Неодолима, да? А разве кто-то пытался её одолеть?

А я — попытаюсь! И тогда ещё посмотрим, кто кого!

«Кристалл... ты мне поможешь?»

Но в ответ я получила волну такого ужаса, что сочла за лучшее не переспрашивать. Придётся действовать в одиночку.

Но получится ли? Ведь я ещё ни разу не работала одна!

Я боюсь!

Вот что, Арита, хватит дурью маяться. Получится, не получится — это будет ясно потом. А пока не теряй времени.

Я спрятала Кристалл. Потом прижала руки к вискам Гиймара, закрыв глаза, сосредоточилась. Вот он — едва заметный след, по которому надо идти.

Шаг, ещё шаг... Конечно, это не были шаги в обычном понимании этого слова. Но в человеческом языке вообще нет предназначенных для подобных описаний слов.

Впереди что-то туманно замаячило: огромная завеса, покрывшая всё обозримое пространство. Радужные переливы на её поверхности завораживали, манили посмотреть, что там, за ней... Радужную бесконечность рассекала вертикальная черта. Два полотнища чарующе-плавно скользнули в стороны...

А между ними распахнулась бездна, полная разноцветными кружащими звёздами.

На миг я заколебалась — но тут же рассердилась на себя за это. Раз, два, три... вперёд! И я бросилась в эту звёздную бездну.

А-ах! Ощущение такое, словно нырнула в ледяной омут — аж дыхание перехватило.

Теперь в этой леденящей темноте надо найти Гиймара.

Осмотреться повнимательней: может, и здесь найдётся какой-то след? И он нашёлся: смутный, едва различимый, скорее запах, чем след — но нашёлся. Скорее, скорее — пока его не развеяло окончательно!

Бесчисленные звёзды проносились мимо — белые, красные, зелёные, золотые... Быстрее, ещё быстрее! Звёзды слились в короткие разноцветные чёрточки. Из книг я знала, что со стороны и сама выгляжу звездой, что эти звёзды — такие же души, как и та, которую я ищу... Но среди них не было души Гиймара. А значит — вперёд... и скорее, скорее!

След понемногу проявлялся, становился всё более отчётливым, указывая на приближение к Гиймару. Скоро он превратился в светящуюся нить: Гиймар совсем близко... но где?

Светящийся след тянулся за золотисто-зелёной звездой. Это он!

«Гиймар!» — мысленно вскричала я изо всех сил.

Звезда остановилась, и я мигом очутилась рядом.

«...Арита?» — коснулась меня осторожная, сомневающаяся мысль.

«Да!»

«Откуда ты здесь?» — Гиймар словно не верил своим глазам (хотя что у звезды считать глазами, непонятно).

«Я пришла за тобой».

«Арита, наивное дитя! Думаешь, я сам не пытался выбраться? Но тут слишком сильное течение».

«Течение?!»

«Да... а ты разве не заметила?»

Заметишь тут, когда и зацепиться взглядом не за что. Тем не менее, я попробовала вернуться немного назад... и тут же почувствовала, что какая-то сила не даёт мне этого сделать. И если даже Гиймар не смог её одолеть...

Вот так влипли.

Никогда в жизни я ещё так не пугалась! Я жалобно закричала:

«Гиймар, надо возвращаться! Обратно, на землю!»

«Не спорю, — согласился Гиймар, — но как? Погоди, дай подумать...»

Я послушно умолкла... а поток меж тем уносил нас всё дальше и дальше.

«Арита, — наконец услышала я, — ты в паре с Кристаллом?»

«Одна...»

«М-да... ладно. Если мы соединим свои силы — может, и получится. Идём!»

Наши огоньки соприкоснулись: мы словно взяли за руки. И — рванули навстречу потоку.

Да, нелегко это было! Но мы упрямо прорывались, ни на мгновение не отдаляясь друг от друга.

Я искоса глянула на Гиймара. Мне показалось... или действительно в золотисто-зелёной глубине его огонька мелькнули розовые искры?

Нет, не показалось! Вот они: мерцающие, словно цветы шиповника, проглядывающие сквозь колышимуую ветром листву. И это было очень важно.

Несколько лет назад я нашла в одной из башен старую растрёпанную книгу. В ней рассказывалось о многом, и в том числе — разъяснялись значения цветов, которые несёт огонёк-душа. Зелёный, например — честность и прямота, золотистый — светлый взгляд на мир... а розовый — любовь.

Любовь! Эту догадку следовало проверить.

«Гиймар, — обратилась я к нему, — какого я цвета?»

«Цвета?»

«Ну да. Какого?»

«Бело-розового. Похоже на рассветное облако», — и в глубине этой мысли промелькнул оттенок насмешливости, словно у мальчишки: «Ох уж эти девчонки-франтихи».

Франтихой я не была, и поэтому несколько секунд думала, а не обидеться ли мне. Потом решила: не стоит. Ведь главное — он подтвердил мою догадку.

Он тоже любит!

Старая книга... и тут я вспомнила ещё кое-что, вычитанное в ней.

«Гиймар! — закричала я. — Надо спешить! Ты сможешь вернуться, лишь пока не развеяло твой след!»

Краткая пауза.

«Сколько мне осталось?» — осведомился атрианец без малейшей паники.

«Н-не знаю... но когда я шла за тобой, след был еле заметен».

«Ладно. Поднажмём!»

И откуда только взялись силы? Вперёд... вперёд... мы отчаянно пробивались через течение, и когда мне уже стало казаться, что мы не двигаемся с места, впереди появился Последний Занавес.

Мы вернулись к нему — но было ясно, что обратно нас так просто не выпустят. Бескрайнее полотнище то и дело морщила агрессивная рябь, от резких цветовых перепадов на его поверхности кружилась голова.

«Попробуем прорваться, — коснулась меня мысль Гиймара. — Собери все силы, и когда я скамандую — лети. Раз... два... три!»

И на счёт «три» мы вместе рванули вперёд.

Эффект был такой, словно мы врезались в туго натянутую ткань: мгновение неподвижности — а затем Занавес, распрямившись, отбросил нас назад. Мы едва не оторвались друг от друга, но всё же сумели удержаться вместе и вернуться к Занавесу.

«Не пускает, гад, — мысленно поморщился Гиймар. — Надобно подумать».

А секунды текли одна за другой, и каждая уносила с собой песчинку от следа Гиймара.

И вдруг у меня мелькнула мысль.

«Кристалл... надо связаться с Кристаллом! Он нас вытянет!»

По крайней мере, мне хотелось на это надеяться.

Словно краткий взгляд в упор:

«Сможешь?»

«Ну... я попробую...»

Я полностью расслабилась, отрешилась от всего — даже от мысли о том, что Гиймару теперь приходится бороться за двоих, удерживая нас против течения. Моё сознание сжалось в тонкую мысль-иглу, которая мгновенно пронзила Занавес — а на её наконечнике был отчаянный зов: «Кристалл!!!» С высоты я торопливо обозревала землю — не глазами, но мыслью, ища тот единственный — хотя и нечеловеческий — разум, способный отозваться и спасти нас.

Вот что-то мелькнуло... ближе, ближе... есть!

Я поспешно объяснила Кристаллу, что надо сделать. В ответ — уже знакомая вспышка страха... мгновение нерешительности... а потом я поняла: да! Он поможет — вопреки своему страху.

И снова метнулась в небо мысль-игла. Но теперь она вела за собой нить — толстый жгут энергии, свитый Кристаллом. Не нить даже, а целый канат... и если даже эта сила не вытянет нас — мы обречены.

...Сделано! Я послала сигнал Гиймару, и мы оба вцепились в путеводную нить. Три... четыре, тяни!

Сверкающая поверхность придвинулась с невероятной скоростью. Резкая остановка, и где-то с минуту я думала, что всё кончено... потом — рывок... и бурное ликование: мы прорвались! Мы свободны!

Ярко-голубая линия светилась впереди, и вдоль неё мы падали с небес — на землю, такую жестокою и такую отчаянно-милую.

Два силуэта возле каменной стены, непонятно как видимые в темноте. Один распростёрся на земле, другой, ссутулясь, склонился над ним.

Туда, скорее туда...

...Всё! Прибыли.

Тьма крошечная окружала нас. Я поспешно напарила Кристалл, и он медленно разгорелся, рассылая в темноту бледно-голубые лучи. Лицо Гиймара было так же неподвижно, глаза закрыты. На бесконечно долгий и бесконечно страшный миг я подумала, что ничего не получилось. Но не успело

отчаяние подступить ко мне, как Гиймар шевельнулся, застонал и медленно открыл глаза.

Я наклонилась поближе к нему. Глаза его бессмысленно шарили вокруг, потом их взгляд сфокусировался на мне. Слабая улыбка — не улыбка даже, а намёк — тронула его губы.

— А говорила, не умеешь... — тихий шёпот, едва ли громче шелеста травы.

Я не поняла:

— Что не умею?

— Оживлять... — веки опять опустились.

Я не поверила своим ушам. И он ещё помнит ту шуточку столетней давности?!

И в этот миг что-то сорвалось во мне. Я считала себя неспособной больше плакать, но тут упала на грудь Гиймару — и зарыдала, словно маленький ребёнок, мучительно стыдясь своих слёз.

Твёрдая добрая ладонь упала мне на голову и медленно провела по волосам. На большее у Гиймара не хватило сил.

— Не плачь... всё уже... позади...

Угу, не плачь! И от этих слов, от этой бесхитростной ласки я зарыдала ещё сильнее.

Но наконец — выплакалась. Рыдания перешли в редкие всхлипы. Вообще-то негоже Хранительнице Кристалла настолько терять над собой контроль.

— Ты... ты живой, — наконец смогла выговорить я.

Ответом была слабая улыбка. Однако глаз Гиймар не открывал, и я вдруг испугалась: что если он опять уйдёт туда? Ведь то, что я смогла его вытащить — чудо, а чудеса не повторяются...

Ну уж нет, обратно я его не отпущу! Я схватила атрианца за плечи и сильно тряханула его.

— Гиймар!!!

Рунный Стрелок открыл глаза, приподнялся на локтях, озираясь вокруг...

И тут земля вздыбилась под нами!словно какая-то безумная пляска началась в глубинах, словно кто-то мял и комкал её, как шерстяное покрывало. Нас подбросило вверх, и я чудом не выронила Кристалл. В его свете я увидела, как в земле, совсем рядом, разверзлась трещина — раскрылась и тут же сомкнулась.

Землетрясение! И очень сильное, на моей памяти ни разу такого не было. А мы с Гиймаром — прямо возле каменной стены...

Словно в ответ на эти мысли, сверху сорвался камень и так шарахнул меня по руке, что я не смогла сдержать болезненного вскрика. Ещё одна глыбина обрушилась чуть подальше — нам повезло, потому что была она изрядно потяжелее первой.

Мир словно обезумел. Земля выгибалась волнами, нас швыряло из стороны в сторону, скала угрожающе покачивалась, будто под напором чудовищного ветра. В этом грохочущем хаосе не было ничего постоянного, за что мог бы уцепиться смятенный разум.

Нас опять бросило вверх, и мне показалось, что скала кренится к нам. «Это конец», — мелькнула мысль...

...И всё кончилось. Земля ещё несколько раз содрогнулась, как умирающий зверь... и всё стихло.

Я осторожно приподнялась, огляделась. Гиймар... где он? И жив ли он?

Цел и невредим, и совсем рядом — его не завалило камнями, не поглотила трещина в земле... Нет, нам положительно сегодня везёт! Хотя это везение, в общем-то, весьма своеобразно... ну да ладно.

Главное — мы живы!

Я подползла к Гиймару, легонько потрясла его. В ответ послышалось вопросительное мычание.

— Ты живой?

— Угу, — он приподнялся и сел, немного пошатываясь. Помотал головой, сморщился, обхватив её ладонями. — О ч-чёрт, башка болит... Кстати, а куда подевался мой меч?

Зеленовато-сизый клинок... Гиймар выронил его, когда упал — значит, он должен быть где-то рядом.

Я огляделась... и увидела, как в земляной трещине, разверзшейся почти рядом с нами, что-то блеснуло. Меч? Я заглянула в неё. Нет: вода! Её гладкой поверхности я могла бы коснуться рукой. Наверно, землетрясение сместило глубинные водоносные пласты, нарушило вековой ход подземных потоков, и вода устремилась по единственному выходу, который смогла найти.

Прямо к нам.

Я вскочила, как ошпаренная.

— Гиймар, из-под земли поднимается вода! Надо уходить!

Уходить... но как? Гиймар, хоть и пришёл в себя, был настолько слаб, что едва мог сидеть — сможет ли он идти?

Сможет... должен, должен!

Я бросилась к нему, помогая подняться.

— Опирайся на меня! Надо скорее уходить!

Вода уже достигла края трещины. Гиймар прикусил от напряжения губу — но всё-таки поднялся, опираясь на меня. Никогда не думала, что он такой тяжеленный!

Мы побрели вдоль каменной стены. Гиймар одной рукой обхватил меня, другой — опирался о скалу, и было видно, что держится он только ценой невероятного напряжения.

Вода — к счастью! — поднималась медленней, чем я думала, но всё-таки она поднималась. Под ногами уже ощутимо захлюпало, мои фетровые башмачки промокли насквозь — а вода-то была ледяная!

*

Наверное, зря мы выбрали путь вдоль скалы. Рельеф поверхности тому виной или более мягкая почва — только основная масса воды хлынула несколько правее нас. Там, где мы шли, вода была уже мне по щиколотку — но справа бушевал грозный поток, отрезавший нас от остальной долины. Вы-

глядел он довольно глубоким, а лезть туда и проверять у меня не было никакого желания. Гиймар уже и не пытался опираться на скалу, всей тяжестью повиснув на мне. Он механически переставлял ног, уронив голову на грудь, и, казалось, ничего не сознавал.

Внезапно он напрягся всем телом и рванулся куда-то вперёд. От неожиданности я разжала руки, и атрианец упал на колени в бегущую воду. Когда я нагнулась поднять его, то услышала сквозь шум воды, как он что-то бормочет, выдавливая слова сквозь стиснутые зубы. Склонилась поближе, и мне удалось разобрать:

— Орра, Эллиас... держитесь... мы идём...

Я читала, что у Рунных Стрелков существует мысленная связь, которой они пользуются только в безвыходном положении. Сам Гиймар этим зовом ни разу не воспользовался, в какие бы переделки мы ни попадали. Неужели сейчас он рвётся кому-то на помощь? Да ему самому помощь нужна!

Я подхватила Гиймара под мышки, случайно коснувшись щекой его щеки... и отпрянула от неожиданности. Его кожа дышала сухим жаром, как раскалённая печь. Видимо, зелёный луч что-то повредил в нём, настолько, что возвращением с того света последствия не исчерпались — и теперь внутренняя борьба за жизнь расплёскивалась по телу испепеляющим жаром.

И всё-таки, даже несмотря на это — надо идти.

Я погасила Кристалл и спрятала его, чтобы освободить обе руки: как-нибудь на ощупь ориентируюсь. Набрав в ладонь ледяной воды, я обтёрла пылающее лицо Гиймара. Потом закинула его вялую руку себе на шею и поднялась, взваливая на себя его непослушное, тяжёлое тело.

Теперь я училась у Гиймара — училась его стойкости, его вере в то, что безвыходных положений нет, училась, стиснув зубы, пробиваться вперёд даже тогда, когда всё кажется бессмысленным. И только поэтому я ещё шагала — сквозь ночь, сквозь холодный поток, вдоль неприступной скалы без единой расщелины, с больным Гиймаром, повисшим на мне...

Вода всё прибывала, теперь она достигала колен. Бушующее течение сорвало с меня один башмачок и унесло. Мелкие камешки и ломкая, острая трава больно кололи босую ногу.

Удивительно, как Гиймар ещё мог идти — но он шёл, хотя и медленно. Его короткое жаркое дыхание обжигало мне шею, с губ срывались разрозненные, сбивчивые слова. Временами он стонал, вскрикивал, снова рвался куда-то — но теперь я была начеку и держала его крепко.

И — шла. Не считая времени, выдыхая сквозь сцепленные зубы непонятно кому: «Не возьмёте... Подавитесь...»

Вода поднялась уже намного выше колен. Тяжёлая намокшая юбка ужасно мешала идти.

И вдруг моя босая нога с размаху наткнулась на острый камень. От боли я потеряла равновесие и рухнула в воду. Гиймар упал сверху. Бурлящая вода захлестнула меня с головой, перевернула, и на миг мне показалось, что это — конец. Я неистово рванулась вверх, вынырнула на поверхность, кашляя и отфыркиваясь. Моё терпение лопнуло. Такое непрерывное невезение — это же

несправедливо! Я взвыла от обиды и отчаянно замолотила кулаками по скале, такой самодовольно-монолитной.

И огненная щель рассекла скалу снизу доверху! Тёмные камни медленно разошлись, открывая треугольный проём — а из него хлынул свет, такой ослепительно-яркий, что мои привыкшие к темноте глаза невольно зажмурились.

Свет... жизнь!

Вода хлынула в открытые двери, увлекая меня за собой. Идти? Но если вода заполнит эту явно рукотворную пещеру — мы просто утонем...

Каменные створки мало-помалу начали сходиться. И я решилась: неистовым усилием выдернула из воды Гиймара и рванулась туда. Перевалившись через высокий порог, мы с размаху грянулись на пол посреди огромной лужи. Двери беззвучно сомкнулись за нами, отсекая шум воды.

Некоторое время я лежала неподвижно, набираясь сил и успокаивая дыхание. Рядом заходился в кашле Гиймар — он успел-таки нахлебаться воды, когда мы споткнулись.

Прошло минут двадцать, прежде чем я нашла в себе силы поднять голову и осмотреться. Конечно, первым делом глаза мои устремились к Гиймару. Он уже притих и лежал теперь на боку — неподвижно, разбросав руки. Его неровное дыхание перемежалось хриплым бормотанием и стонами.

Внезапно атрианец выпрямился и сел. Глаза его были широко раскрыты, но, казалось, ничего не видели.

— Зиме...риль, — прерывисто выдохнул он... а потом всё тело его обмякло, глаза закрылись, и Гиймар безжизненно повалился на пол.

Я бросилась к нему: дышит ли? Он дышал, хотя и слабо, едва заметно. Я потрогала его лоб — кажется, жар уменьшился. Бред перешёл в глубокий обморок. Я не знала, чем ему помочь — с подобным ещё не приходилось сталкиваться.

Я огляделась. Помещение, куда мы попали, было небольшим — примерно два шага по всем направлениям. Закруглённые углы, совершенно пустые кремевые стены изливают мягкий свет. Вода каким-то образом впиталась в твёрдый пол, который остался совершенно сухим. Ни следа той двери, что впустила нас, но в одной из стен — другая дверь: полуоткрытая, овальных очертаний.

Я подползла поближе и осторожно заглянула. Моему взору открылась большая уютная комната. В отличие от каморки, куда мы попали — здесь, несомненно, жили. Пол покрывал густой длинноворсистый мех — не ковёр, а именно мех. Обострённые чувства Хранительницы Кристалла почему-то не уловили в нём следов ушедшей жизни — словно животное, носившее этот мех, было мертво ещё до рождения. По стенам тянулись шкафы, полки, на полках — множество непонятных предметов.

Ничто увиденное опасения не внушало, и я решилась переползти порог. Мои руки и ноги погрузились в мягкий мех на полу. С одной стороны у стены стоял большой стол со множеством выдвижных ящичков, возле него кресло — необычной конструкции, всего лишь на одной разлапистой опоре. Столешницы было не видно из-под хаотичной груды бумаг. У противопо-

ложной стены, в небольшом алькове — узкая кровать с приподнятым изголовьем. На всём ни пылинки, но в воздухе витало то неуловимое нечто, присутствующее в давно необитаемых помещениях.

Я не заметила в комнате ничего опасного или угрожающего. Взгляд мой вернулся к кровати в алькове. Пожалуй, там Гиймару будет удобнее, чем на полу... Понукая своё измученное тело, я вернулась в каморку, взвалила на себя Гиймара и втащила его в комнату. Последние силы ушли на то, чтобы уложить его на кровать, после чего я рухнула на меховой ковёр... и тут сверху, разделяя нас, обрушилась преграда из толстого стекла. А из стены, словно дождавшись одним только им ведомого сигнала, поползли блестящие безглазые змеи.

Я отчаянно закричала, неистово ударяя кулаками по стеклу, однако оно казалось непробиваемым. Тем не менее, я снова и снова атаковала его — мой Гиймар, мой любимый там, во власти этих безглазых чудовищ!

Блестящие змеи опутали тело Гиймара со всех сторон. У одной из них, самой тонкой, из носа выдвинулась длинная игла и вонзилась ему в руку...

Я в изнеможении сползла на пол, всё ещё не в силах осознать случившееся. Гиймар, Гиймар! Пройти такой путь, избежать стольких опасностей — чтобы погибнуть теперь, когда спасение было так близко! И ведь я сама, своими руками отдала его этой нелепой гибели...

Я тихо заплакала, спрятав лицо в меховой ковёр. Плакала долго, пока не уснула — усталая и опустошённая, как одинокий обиженный ребёнок...

Проснувшись, я несколько мгновений не могла понять, где же я. Потом, мало-помалу, в памяти поднялось всё, что было. Гиймар, Гиймар... Я медленно подняла голову, чтобы бросить на него прощальный взгляд — на этот раз, как мне казалось, действительно прощальный. Глянула... и вскрикнула от неожиданности!

Гиймар не только остался жив, но и явно чувствовал себя гораздо лучше. На лице его не было ни мертвенно-серой бледности, ни неровных ярко-красных пятен лихорадки — к нему вернулся бронзовый загар прежнего Гиймара, странника и воина. Он больше не метался, и грудь его вздымалась высоко и размеренно, как у спокойно спящего человека.

Убедившись, что с Гиймаром всё в порядке, я с любопытством огляделась. Каждая деталь убранства комнаты говорила о невообразимо глубокой древности — возможно, даже о временах, предшествовавших Мировороту.

Мне не терпелось изучить все эти чудеса поближе. Но прежде всего — осторожность. Едва ли в жилой комнате могло быть что-то опасное, но всё же лучше поостеречься. Пожалуй, следовало бы прозондировать комнату глубже. Это делалось довольно просто, можно было обойтись и без помощи Кристалла. Я поднялась на ноги, полуприкрыв глаза, сосредоточилась, подождала, пока в кончиках пальцев не начало ощутимо покалывать, и двинулась в обход комнаты, держа одну руку ладонью перед собой, а другую — ведя вдоль стены.

Таким образом я обошла полкомнаты и приблизилась к странному сооружению в углу. Оно состояло из большого плоского сосуда (по виду — из молочного стекла) и выходящей из стены над ним сложно закрученной се-

ребриной трубки. И ту случилось... чудо, иначе не назовёшь. Когда я провела рукой под этой трубкой, на меня полилась вода! Струя была не очень большой, но в тот миг она показалась мне целым потоком.

Совсем недавно я едва не утонула... а сейчас вдруг почувствовала, как же мне хочется пить. Сейчас этот подземный дар был поистине бесценен. Подставив сложенные лодочкой ладони, я набрала в них воды. Однако едва убрала руки — струйка тут же иссякла. Подставила снова ладони — вода потекла опять. Интересно, что за механизм делал это?

Вода была свежей и очень вкусной. Напившись как следует, я двинулась дальше, внимательно прислушиваясь к своим ощущениям.

Но, дойдя до заваленного бумагами стола, я забыла все свои опасения. Чтение с детства было моим любимым занятием, к четырнадцати годам я перечитала все книги нашей скромной библиотеки, некоторые — не один раз. А тут — такая куча древних рукописей! Могла ли я устоять?

Кресло, мягко скрипнув, прогнулось подо мной — очень удобное, без единого острого угла. Полная благоговения перед невероятной древностью, я ещё раз оглядела стол.

Бумаги валялись в полнейшем беспорядке, но посреди стола, полузаваленная ими, лежала стеклянная коробка, заключающая в себе ровную стопку сплошь исписанных листов. Я осторожно сдвинула в сторону всё, что её закрывало, и коснулась коробки. Станным было стекло, из которого она была сделана — настолько мягким, что прогибалась под моими пальцами. Осмелев, я потянула за крышку. С лёгким щелчком коробка распалась. Ой, что же я наделала!

Однако, присмотревшись повнимательнее, я заметила на краях стеклянных полосок сложной формы зазубринки. Наверное, ими края и сцеплялись. Попробую сложить её снова...

Но — потом. Когда прочитаю эти записи.

В наше время буквы имели сложную, замысловатую форму и писались прямо. До примитивности простое начертание букв, наклонённых вправо, дышало древностью. Подумать только, даже моих прадедов не было на свете, когда неведомая рука написала эти строки! Дрожащими от волнения пальцами я подняла самый верхний лист.

«...что? На чудо? На то, что когда-нибудь придёт кто-нибудь, найдёт мои записи и примет их к сведению?»

Эта страница явно не была началом. Видимо, человек, написавший её, не заботился о том, чтобы когда-нибудь перечитать свои записи, а просто писал и по мере заполнения листов складывал их в коробку.

Я перевернула увесистую стопку и действительно нашла там начало. Оно не было пышно оформлено, как делают в наше время. Не было даже имени летописца. Просто наверху страницы стояло несколько цифр, а дальше сразу начинался текст — бегущие наклонные строки, угловатый почерк.

«15 сентября. Для чего я начинаю эти записи? Вероятно, чтобы не сойти с ума. Здесь не отличишь день от ночи и один день от другого. Конечно, мы не сидим без дела, но работа наша бессмысленна — ведь там, наверху, не осталось никого, кому могло бы пригодиться сделанное нами. Дни, заполнен-

ные мартышкиным трудом, сливаются, и если бы не календарь, можно подумать, что этот день был лишь неделю назад.

День, когда взбунтовалась Земля.

С тех пор, как на случай войны построили Убежище, в нашем научном центре периодически проводились учения. Поэтому никто не удивился, когда вдруг завывали сирены. Без паники, поочередно мы спустились вниз. На улице мела вьюга, и к Убежищу пришлось пробиваться сквозь белую пелену. Это сейчас она вспоминается как величайшая драгоценность — последнее прикосновение знакомого мира... Когда тяжёлые двери сомкнулись за нами, никто ещё не понял, что, собственно, случилось.

А потом мы столпились у мониторов и молча, остолбенело смотрели, что творилось наверху.

Много веков Земля терпела человека, который, словно неразумное дитя, не думал о завтрашнем дне. Он забыл старый закон: всякому действию равно противодействие. А о том, что Земля — живая, он и не помышлял.

Земля молчала. Она не подчинялась — она ждала. И грянул гром.

Сила Земли слепа! Она не различает ни правых, ни виновных, она подчиняется лишь неумолимому закону воздаяния. Действие равно противодействию, поколебленное равновесие должно быть восстановлено.

Земля вздыбилась — что перед этим были произведённые человеком взрывы? И — воздаянием! — на людей обрушилась вся та дрянь, которой мы напичкали землю и воду, весь едкий дым, отравивший воздух. Начало и конец человечества соединились в хаосе.

А потом на поверхность вырвалось подземное пламя — древним очистительным огнём.

Там, наверху, воцарился ад. После особенно яркой вспышки мониторы, мигнув, погасли. Стены конвульсивно содрогнулись, и учёные с мировыми именами горохом посыпались на пол — Земле плевать было на мировые имена. Я испугался, что рухнет потолок, но Убежище было сделано прочно. Пол снова вздыбился волной... Потом настала тьма.

Всё».

Необычный почерк трудно читался, многое мне было непонятно. Что такое «научный центр»? А «мониторы»? И неужели Древние, такие мудрые, не знали, что Земля — живая?

И всё же было ясно: передо мной — записи о том, что позже было названо Мироворотом.

Неведомый летописец вёл свои записи неровно: иногда пропускал месяц или два, потом вдруг спохватывался и аккуратно записывал каждый день, потом — снова перерыв. В нескольких местах текст перебивался пятизначными числами, добрую половину текста приходилось пропускать, не вникая — она была совершенно непонятна.

Дословно я, конечно, не помню, но смысл едва ли забуду.

Написал это мудрый человек тогдашнего времени. Он сам и ещё два десятка таких же спаслись во время Мироворота и прожили в подземном Убежище десять лет. Лишь тогда они решились выйти — и обнаружили, что мир необратимо изменился. Там, где было море — вздыбились горы, а само Убе-

жище выдавило из глубины на поверхность. Видимо, я, в отчаянии барабанила кулаками по скале, случайным ударом привела в действие механизм, открывавший двери — так мы смогли попасть внутрь.

Подземные мудрецы не пытались разыскать другие людские поселения — они были убеждены, что, кроме них, никто не уцелел. Они вернулись в своё Убежище и снова занялись работой, которую считали бессмысленной.

Вскоре в дальних коридорах расплодились крысы — видно, проникли снаружи. Учёным они, видимо, сильно досаждали — настолько, что в один прекрасный день они воспользовались каким-то «газом» и уничтожили всех до единой.

Год с лишним они жили спокойно. Записи этого года — наверное, результаты исследований — мне были совершенно непонятны, и я их пролистала.

Потом начали гибнуть люди. Их находили растерзанными в клочья рядом со странными длинными следами. Теперь учёные не ходили в одиночку — только группами. Одной из таких групп удалось изловить таинственного людоеда: чудовище, напоминавшее гигантскую сороконожку, покрытую мехом.

Дальше следовала ещё страница сплошной тарабарщины. И что эти учёные всё время пытаются скрыть смысл за непонятными словами?

В тех строчках, что были написаны по-человечески, вырисовывалось нечто знакомое. Да ведь это же мохнатая многоножка из подземелья! Я вздрогнула. Какое счастье, что за долгую подземную жизнь эти твари стали бояться света!

Из многочисленных исследований явствовало, что чудовища — изменившиеся под действием «газа» обычные многоножки, обитавшие по углам Убежища. Узнав, что «газ» имеет такое действие, им решили больше не пользоваться: мало ли что ещё может получиться. Поэтому один из учёных, со странным именем Анджей, создал новое оружие, основанное на лучах. С его помощью подземные мудрецы выкурили чудовищ из закоулков, загнали в узкую лощину перед выходом и здесь уничтожили. Несколько тварей, видимо, сбежали в подземелья, где со временем и превратились в тех пугливых зверей, которых мы видели.

Завершив бойню, люди вернулись в Убежище, и тяжёлые двери снова отгородили их от мира.

И снова всё было спокойно... до тех пор, пока год спустя один из учёных не вышел наружу. Выглянув из дверей, он удивился, что снаружи темно, хотя по календарю был день. После этого он вышел... и обратно уже не вернулся.

Так повторилось ещё несколько раз: человек выходил наружу, сообщал «Здесь темно» — и исчезал. Один всё-таки вернулся — задыхаясь, вбежал внутрь и захлопнул за собой двери. Он рассказал, что взял с собой мощный фонарь и в его свете разглядел среди ночи сгустки более плотного мрака. Попав на свет, они не рассеивались, а съёживались и отползали в сторону. Вскоре, однако, луч фонаря отчего-то начал слабеть. Когда от него осталась лишь тусклая полоска, едва разгонявшая тьму, учёный вдруг понял, что его подсознательно тревожило: тишина. Не тишина обычной ночи — тишина

абсолютная, до звона в ушах. Ему показалось, что плотные клочья мрака стали медленно придвигаться всё ближе... И разведчик не выдержал, — повернулся и помчался назад.

Вероятно, в гибели людей были повинны эти комья тьмы — или то, что пряталось за ними. Их называли Тенями.

С помощью хитроумной ловушки одну из Теней удалось поймать. Сложные исследования выяснили, что эти твари — крошечные, едва различимые глазом зверьки «амёбы», вдруг выросшие и приобретшие новые качества. И качества эти учёных поражали. Тени не любили яркого света, но свет менее яркий могли не только терпеть, но и поглощать. Подчас они съёживались даже от легчайшего сквозняка, другой раз на них ничего не действовало. Случайно выяснилось, что их можно уничтожить огненным разрядом большой силы. Всем разведчикам тут же раздали разрядники, и на долгое время это помогло — но потом Тени научились их как-то избегать, и человек исчез, не успев включить оружие.

Разумнее всего было, конечно, прекратить вылазки. Но для людей, больше десяти лет просидевших под землёй, это было невыносимо. Почувствовать на лице дуновение ветра, увидеть небо, хотя и тёмное — ради этого каждый готов был рискнуть.

Лишь один человек сумел одолеть в себе эту тягу. И настал день, когда он остался один в Убежище.

Он взялся за работу — яростно, неистово. Ему не нужен был результат на миг, такой, какой давали огненные разряды — нет, он искал способ уничтожить всех Теней сразу, сколько бы их ни было.

Для этого требовалось нечто, не рассеивающееся на достаточно дальнем расстоянии. После некоторого колебания учёный-отшельник остановился на лучах — правда, иного вида, рассудив, что хуже от этого всё равно не будет. Он сконструировал также машину, способную залить этими лучами всю долину.

Дальше листы были заполнены совершенно непонятными мне формулами и чертежами. Только в самом конце было немного вразумительного текста.

«...15 сентября. Я пишу всё это в надежде... на что? На чудо? На то, что когда-нибудь придёт кто-нибудь, найдёт мои заметки и примет их к сведению?»

Ответа не было.

Я откинулась на спинку кресла. Уф! Наверное, не один час просидела я над этими листками, но время пролетело совершенно незаметно. Перед глазами всё ещё стояли древние учёные, подземные чудовища, подступающая тьма...

Было совершенно ясно: последнему учёному не удался его план, иначе не появился бы Тёмный Путь. Наверное, эти порождения Тьмы поначалу теснились в закрытой долине, но потом — возможно, от землетрясения — скальная преграда рухнула, и Тени-короросы вышли в мир.

Мелодичное треньканье прервало мои мысли. Я резко обернулась, готовая ко всему... но ничего страшного не произошло. Просто часть стены откинулась так, что получилась полочка. Я подошла поближе. На полочке стоял поднос, а на нём — три красно-коричневых брусочка величиной с мою ладонь. Странный запах шёл от них — сильный, незнакомый, но почему-то заставивший меня почувствовать, как же я проголодалась.

Брусочки хрустели и слегка крошились в пальцах. Вкус был немного странным, но неприятным — едва ли. Я сама не заметила, как на подносе остались только крошки. Только после этого я спохватилась: надо же было хоть что-нибудь Гиймару оставить!

Впрочем, успокоила я себя, вряд ли вся эта сложная механика работала специально для нас. Должно быть, такие печенья появлялись периодически — для прежнего хозяина комнаты.

Длинный шорох за спиной заставил меня снова дёрнуться на звук. Стеклопанельная стена поднялась и исчезла в потолке. Одним прыжком перемахнув комнату, я очутилась возле кровати, с тревожным ожиданием вглядываясь в лицо Гиймара.

Его ресницы дрогнули и поднялись, открывая слегка недоумённый взгляд. Протерев кулаками заспанные глаза, Гиймар приподнялся на локтях, озираясь вокруг.

— Как ты себя чувствуешь?

— Вроде, нормально, — он сел. — Где это мы?

— Не поверишь: в подземном убежище времён Мироворота!

— Ого! И как мы сюда попали?

— Ты что, совсем ничего не помнишь?

— Как из трещины поднялась вода — это последнее, что помнится. И то смутно.

Я вкратце рассказала обо всём, что произошло дальше. Когда я дошла до рукописи, глаза Гиймара загорелись.

— Слушай, а я не прочь на неё взглянуть!

— Пожалуйста. Там, на столе. Я её уже прочла.

— Тогда давай поменяемся: я сяду читать, а ты отправишься спать.

Ничего против я не имела: действительно, так много прочитав в один присест — это нелегко. Однако спать на этой непонятной кровати я не собиралась. Может, эти безглазые змеи не причинили Гиймару никакого вреда, но я им всё равно не доверяла — а потому растянулась на меховом ковре. Услышав моё движение, Гиймар оглянулся.

— Да не бойся, ничего с тобой не случится.

— Нет.

— Ну, как знаешь, — и он снова погрузился в чтение. А я погрузилась в сон.

Когда я проснулась, Гиймар всё ещё сидел над рукописью. Он читал медленнее меня — видимо, ему было понятно больше и не было нужды пролистывать страницы. Я неслышно подошла к нему.

— Ну как?

Гиймар вздрогнул от неожиданности и обернулся. Глаза его сияли.

— Арита, ты даже не понимаешь, что мы нашли!

Он возбуждённо схватил несколько листов с чертежами

— Это — спасение мира!

— Та конструкция?

— Да!

— Но ведь мы вряд ли найдём построенную...

— И не надо. Эти бумаги мы возьмём с собой в Атриан и отдадим нашим учёным. Даже мне здесь кое-что понятно, хотя не так уж и много. Но они-то знают гораздо больше.

Мир, избавленный от короросов! Не бояться новых нашествий, не вести эту бесконечную войну — а все силы дружбы человека и Кристалла направить на изучение этого мира...

В сдержанных строках на бумаге не было и десятой доли той чарующей убедительности, которая сияла в пламенных речах Гиймара.

Наше ликование прервало уже знакомое треньканье. Гиймар недоумённо посмотрел на появившийся поднос.

— Что это?

— Еда. Не бойся, я уже пробовала — как видишь, ещё жива.

Мы честно разделили хрустящие брусочки — по полтора на нос. Увы, этот рацион был рассчитан на одного человека, годами не выходившего из Убежища, и для двоих путников его было явно маловато. Пока что заморить червячка хватило — но долго нам так не протянуть.

Гиймар, похоже, подумал о том же. Он огляделся.

— Слушай, а что за той дверью?

— Какой?

— Вон там.

Действительно, рядом с той дверью, через которую мы вошли, была ещё одна — окрашенная под цвет стен и потому на первый взгляд незаметная. Гиймар потянул за ручку, и дверь с натужным скрипом повернулась.

За ней был длинный, уходящий в бесконечность полутёмный коридор. С низкого потолка тускло-синий свет падал на грубо обтёсанные каменные стены и слегка неровный пол.

— Верёвку бы... — пробормотал Гиймар. — Или что-то в этом роде...

— Собираешься искать выход?

— Да. Это ведь Убежище, а в них, насколько я знаю, никогда не было одного выхода. Я так понимаю, что вошли мы через запасной — значит, где-то должен быть и главный... О! Я растяпа, — прервал он сам себя, доставая из кармана куртки слегка подмокший кусок мела. Поставил на стене метку:

— Идём.

Однако опасение заблудиться оказалось напрасным: боковые коридоры, отходившие от основного, были освещены разным цветом, располагались в разном порядке и сами ответвлений не имели. Оставалось только отсчитывать: два зелёных коридора, один красный, один тёмно-жёлтый...

Мы шли долго. Боковые коридоры кончились, но синий тянулся дальше. Счёт поворотам я давно уже потеряла.

И вдруг... тупик. Нет, не тупик...

— Дверь! — выдохнули мы одновременно.

Дверь была большой и тяжёлой — внутренние помещения такими не отгораживают. На её поверхности не было ничего похожего на ручку, однако механизм, её открывавший, должен был находиться рядом.

Вырваться на волю — сейчас же, немедленно!

На стене была уйма всяких переключателей, кнопок, клавиш — я бросилась на них и принялась исступлённо дёргать первое, что подвернулось под руку.

— Арита, прекрати! — достиг меня окрик Гиймара... и тут же потонул в грохоте. Случайно я нажала нужный переключатель, и тяжёлая дверь, расколотившись посередине, разошлась в стороны.

А за ней открылась темнота.

Я едва не взвыла. Столько надежд, столько ожиданий возлагалось на эту дверь — и всё пошло прахом!

Глаза привыкли к темноте... и я различила во мраке белые искры. Как они похожи на звёзды...

— Гиймар... звёзды, видишь?

— Вижу!

И прохладный, напоённый пробуждающейся жизнью ветер ударил мне в лицо. И я поняла, что это просто — ночь. Не порождённая короросами, не скрытая под землёй — обычная, настоящая земная ночь!

— Ура! — закричала я, перескакивая порог, и закружилась под звёздами. А потом остановилась и, вскинув руки, потянулась туда, в бархатно-тёмную высь.

Ночь была прозрачна, словно чёрное стекло, и за самыми яркими звёздами проявлялись новые и новые — и всё небо было в этой искряной вышесте, и казалось, что можно заглянуть туда, за край небес, и увидеть там... что?

И тотчас безжалостным видением встала передо мной другая темнота, полная разноцветных звёзд, и холод этой межзвёздной бездны на миг коснулся меня. И я почему-то поняла, что с этим прикосновением мне теперь жить всегда.

Уронив руки, я повернулась к Гиймару. Он стоял в проёме, озарённый сзади синим светом, и я не видела выражения его лица. Я почувствовала, как у меня загорелись щёки. Что он подумал о моём безумном танце?

— Подожди, — сказал он, — я вернусь за книгой, — и бегом скрылся в коридоре.

И вдруг я вспомнила, как сомкнулись за нами двери, через которые мы вошли. Ну ладно, открыть я их открыла, но ведь не закрывала же! А вдруг и этим стукнет так же закрыться?

Ну уж фигу! И я уселась в проёме, скрестив ноги. В конце концов, если это устройство само закрывается, то оно должно и само думать, когда закрываться можно.

Гиймар появился через пару часов: на плечах — плащ, под мышкой — прозрачная коробка с рукописью, совершенно безоружный. Этаким человек новой эпохи, пришедший принести не меч, но мир.

— Идём.

— Подожди, — я шагнула из проёма. — Благодарю этот дом, приютивший нас, и очаг, обогревший нас, и хлеб, накормивший нас. Пусть удача и свет сопутствуют хозяевам, чадам и домочадцам, и пусть не будет между вами тени.

Слова древнего прощания едва ли подходили к моменту, но мне почему-то казалось, что произнести их будет... правильно. Гиймар молча наклонил голову в подтверждение моих слов.

Дверь, словно отозвавшись на прощальные слова, со скрежетом сдвинулась. Вскоре от неё ничего не осталось — лишь гладкая поверхность каменной стены.

Ночь мы провели под одним плащом, прижимаясь друг к другу. А разбудило нас удивлённо-радостное посвистывание. Гиймар моментально вскочил.

— Чака!

— Фью-фью!

— Чака, родной мой! — Гиймар обнял скакуна. — Как же ты нашёл нас?

Тере мелодично посвистывал, уткнувшись в плечо хозяина.

— Умница ты мой!

Поскольку теперь нам на пятки никто не наступал, Гиймар распотрошил седельные сумки, и мы обстоятельно позавтракали. Потом я уже привычно устроилась в седле — и мы снова двинулись вперёд, навстречу восходящему солнцу, оставляя позади все испытания и опасности.

С высоты всадника открывалась великолепная картина. Конечно, я и раньше видела заросшие высокой травой горные долинки... но ни в какое сравнение они не шли с этой равниной! Всюду, куда достигал взгляд, расстиралось высокое, почти по пояс, зеленотравье, переходившее в серо-голубой всхолмлённый горизонт. Цвет... его описать было невозможно. Сказать «зелёный»? Слишком бедно. Изумрудный? Малахитовый? Золотисто-зелёный? Все эти цвета, а ещё — бледно-жёлтый и голубоватый, и сиреневый, и тёмно-зелёный, и совсем светлый, цвета безоблачного заката... И серебристые волны колышущихся под ветром стеблей, и чистые, радужные искры росы... И запахи, запахи! Ветер нёс ароматы зелени, пробуждённой земли, неизвестных цветов, укрытых в траве, и его мало было просто обонять — его хотелось пить каждым вдохом, впитывать каждым волоском тела. Горы кончались совсем неподалёку, внезапно обрываясь утёсом, и сразу же от его подножия начиналось безбрежное, неодолимое, всевластное царство высокотравья. Какие-то птицы с песнями трепетали у нас над головами — так высоко, что и не различить их было в прозрачной сини.

В горах весна — это буйство цветов, здесь — буйство травы... И вдруг я почувствовала, насколько эти вёсны, такие внешне разные, глубинно похожи. Я глубоко вдохнула цветущий ветер, и в этот миг осознала: я — часть этой земли, такая же неотъемлемая часть, как эти травы, этот ветер, эти трели в поднебесье.

Монотонная езда тянула на раздумья. Вскоре мои мысли вернулись к рукописи. Правильно ли мы делаем, что везём её в Атриан?

Ведь первый раз, когда учёные применили своё оружие, оно уничтожило крыс, но превратило безобидных сороконожек в ужасных чудовищ. Второй раз лучи истребили многоножек, но превратили крохотных зверьков «амёбов» в порождения ночного кошмара — Тени.

Что будет в третий раз? Не окажется ли побочный результат настолько страшен, что превзойдёт даже короросов?

Этими опасениями я поделилась с Гиймаром, когда мы поздно вечером сидели у костра. Атрианец отмахнулся.

— Не говори ерунды, Арита, ты в этом ничего не понимаешь. Там ведь сказано: в устройстве использованы другие лучи, не те, какими были созданы короросы.

— Конечно, я ничего не понимаю, и для меня все лучи едины. Но не лучше ли побережься, чем потом расхлёбывать последствия? Ведь с короросами мы хоть как-то умеем справляться, а с тем, что может появиться...

— Может! А может и не появиться. Волка бояться — в лес не ходить. Пойми, другой такой возможности не будет! У нас в руках средство, которым можно уничтожить всех короросов, причём без жертв и особых усилий. И всё! Не будут больше гибнуть люди, не надо будет запираяться в крепостях и жить в постоянной боевой готовности. Неужели тебе самой не надоела постоянная война, неужели тебе не хочется мира?

Я промолчала. Гиймара, ясное дело, мне не переспорить. Больше того: он почти убедил меня... но — почти. Какое-то неясное чувство не давало до конца поверить ему, но увы — не всякое чувство можно выразить словами.

Весь следующий день я пребывала в совершенной очарованности. Временами я словно растворялась, и мне начинало казаться, что ветер — это я, и трава — я, и птичий щебет — тоже я. Я уже не осознавала себя чем-то отдельным — я сама была этими цветущими полями. Потом вдруг словно просыпалась: ой, что это я?

К вечеру над нами во всё небо расцвёл закат — такой великолепный, какого я никогда не видела. В горах небо всегда в какой-то мере ограничивается склонами и вершинами. Здесь же, ничем не стеснённое, оно распахнулось во всю свою безграничную и пугающую силу — словно огромная чаша из прозрачного зелёного стекла накрыла нас. Горизонт у нас за спиной был чётко отграничен от неба пламенным поясом заходящего солнца, но дальше эта черта понемногу стиралась, и впереди, откуда нам навстречу восходила ночь, ставший синим край небесной чаши неразличимо сливался с таким же синим горизонтом. Серые, серебристые, дымчато-лиловые тени скользили по траве.

И всю ночь передо мной во сне волновались бескрайние поля, шелестели высокие травы под распахнувшимся крыльями ликующим закатом... но откуда-то издали беззвучно напозало нечто тёмное — и сохла земля, и трава превращалась в бледные, судорожно колышущиеся былинки, и меркло небо, словно задёрнутое пыльным чёрным покрывалом. Казалось, страшнее этого

мёртвого мира ничего уже нельзя представить. Но следом за медленной темнотой беззвучным криком мироздания накатывала волна абсолютной, всепоглощающей тьмы — и после неё ничего уже не оставалось...

С криком «Нет! Не дам!» я проснулась.

*

Теперь я не сомневалась: рукопись надо уничтожить. Лучше всего — сжечь и пепел развеять по ветру.

*

На четвёртый день Гиймар сказал:

— Ну всё, завтра выйдем на Срединный тракт, а там уже до Атриана рукой подать.

Завтра, думала я, невидящими глазами уставясь в огонь. Завтра. Значит, задуманное надо сделать сегодня.

Я ещё раз проверила загодя изготовленное оружие: тяжёлый камень, увязанный в кусок ткани, оторванной от моей юбки. Потом поднялась и направилась к Чаке, который устроился на ночь за спиной Гиймара.

— Чака, красавец ты наш! — я гладила тере за ушами, одновременно раздумывая, как бы поудачнее выполнить свой замысел. Бросить камень? Не годится: мне же надо всего лишь оглушить Гиймара, а так и убить недолго, не рассчитав силы...

Нет, нет, я же никогда не смогу сделать это! Гиймар, Гиймар, любимый мой — сама мысль поднять на него руку была для меня кощунственной.

И всё-таки — я должна. Ради этих полей, частью которых я стала, ради своих белоснежных вершин, ради того, чтобы цветущие травы не стали мёртвыми тенями...

Крепко зажмурясь, я вызвала перед мысленным взглядом свой сон. Пригладелась к нему, набираясь решимости...

Нет, я же всё равно не смогу! Это выше моих сил!

Но — надо. Надо.

Я медленно поднялась, раздираемая внутренней борьбой. Повторяя про себя «Я должна, должна», шагнула вперёд... Испуганно обернулась: не свистнет ли Чака, предупреждая хозяина? Нет, скакун спокойно спал...

Всё моё тело сопротивлялось этому горестному долгу, колени подгибались, руки дрожали. Перед глазами стояли пустые поля и мёртвое небо, а губы шептали: «Гиймар, любимый мой, прости...»

Ещё один крохотный шаг вперёд — ноги словно налиты свинцом... Понукаемые предельным напряжением воли, руки вознесли камень над головой Рунного Стрелка...

Нет, я не могу! Гиймар, ну что тебе стоило согласиться?

Я смотрела на его затылок в спутанных рыжих завитках, пламенеющих в отблесках костра. Такой родной, такой драгоценный...

Я не могу!

Гиймар пошевелился. Надо было действовать, и быстро. До крови прикусив губу, беззвучно плача, я резко опустила камень.

— Арита, ты... — и в этот момент его настиг удар. С коротким стоном Гиймар упал наземь.

Отбросив камень, я упала рядом с ним: жив ли, дышит? Жив — хвала всем богам! Но сколько у меня времени — неизвестно. Оставив Гиймара, я бросилась к седельным сумкам, ещё заранее приметив, в которую из них атрианец положил рукопись.

Но на этот раз прозрачная коробка не пожелала открываться, как я ни старалась. В отчаянии я швырнула её в костёр вместе со всем содержимым.

Огонь полыхнул до небес! Странное гибкое стекло в пламени чернело, корёжилась, а потом вдруг потекло раскалёнными ручейками на угли. Бумага вспыхнула сразу. Тонкие листы скручивались, обугливались, превращаясь в тонкие чёрные пластинки, ещё хранившие следы написанного. Подхваченные ревущим пламенем, они разлетались стайками чёрных бабочек, исчезая в ночи.

Костёр догорел, рассыпав малиновые искры; вскоре погасли и они. Всю ночь я просидела рядом с Гиймаром, бессильно уронив руки.

Атрианец очнулся только под утро. Открыл глаза, глядя в светлеющее небо. Попытался подняться и застонал, схватившись руками за голову.

— В чём дело? — страдальчески спросил он. Сердце моё сжалось. Вот сейчас, сейчас он всё вспомнит — и никогда нам уже не быть рядом, до самой смерти эта ночь будет стоять между нами...

Я видела — Гиймар начинает понимать. Огляделся вокруг, связал то, где находится, с тем, что случилось... Хмурые карие глаза остановились на мне.

— Это ты! — голос его прозвучал резко и обвинительно.

— Да, — отрицать не имело смысла.

— Но зачем?

— Я уже всё объяснила, но ты со мной не согласился, — я изо всех сил старалась, чтобы мой голос не дрожал, но получалось не очень.

Слегка повернув голову, Гиймар увидел пушистый пепел угасшего костра — и окончательно всё понял.

— Последний аргумент... — атрианец криво усмехнулся, а потом его взгляд стал ледяным. — Когда-нибудь, — тихо сказал он, — ты поймёшь, что по глупости натворила. Но тогда будет уже поздно.

До самого вечера Гиймар не обратил ко мне ни одного слова сверх необходимого. Он вёл себя по-прежнему галантно, по-прежнему помогал мне спешиться на привале и подсаживал обратно в седло, делился едой... но навсегда миновали наша беззаботная болтовня и те полные значения фразы, которыми мы обменивались как равные.

Сгорбившись в седле, я кусала губы, чтобы не заплакать. И откуда во мне столько слёз?

*

Ближе к вечеру, как Гиймар и говорил, мы выбрались на Срединный тракт. Навстречу нам стали попадаться телеги, всадники и пешие путники — пока ещё очень редко, но как было отрадно после многих дней безлюдья увидеть человеческие лица!

Один всадник, ровной рысью следовавший мимо, поравнявшись с нами, вдруг осадил коня.

— Гиймар, ты?! А мы уже считали тебя погибшим!

— Рановато! Меня не так уж и легко проглотить.

Соратники обменялись рукопожатием.

— Может, представишь меня даме?

Гиймар сдержанно кивнул.

— Гарт из Атриана, Рунный Стрелок — Арита, Хранительница Кристалла.

— Рад познакомиться, сударыня! Гиймар, ты в курсе, что Цитадель собирает ополчение?

— Они таки решились.

— Да. Я послан гонцом на окраины. Прибудешь в Атриан — зайди, выясни подробности. А мне пора. Удачи! — и снова взметнулась пыль, выбитая из утоптанной сухой дороги.

Я ехала и думала: ведь должен был найтись и другой способ! Я могла дождаться, пока Гиймар уснёт, и спрятать книгу в траве, могла бы постараться переубедить его, могла бы подумать ещё в Убежище и просто не показывать рукопись...

...Когда всё кончено — думать о том, что бы могло быть, легко и бесполезно. Всё равно ведь ничего не изменить.

На ночь мы остановились на постоялом дворе. Казалось бы, самое время после трудного пути насладиться ужином, горячей водой и свежей постелью — но я едва замечала окружающее, погружённая в свои беспросветные мысли. Слишком большим, слишком сказочным было бы наше с Гиймаром счастье, чтобы стать реальностью.

С этими мыслями я и уснула, накрывшись одеялом с головой.

*

Чем дальше, тем больше людей попадалось нам навстречу. Вскоре после полудня третьего дня долгая дорога привела нас в Атриан.

Я только и могла опарашено вертеть головой. Никогда в жизни не видела столько народа! Как эта толпа умудряется уместиться на таких узких улочках и при этом бежать на четыре стороны одновременно — уму непостижимо.

Гиймар спокойно прокладывал себе путь сквозь людское море, сворачивая то в один, то в другой переулок.

Не сказать чтобы Атриан мне понравился — но он, безусловно, потрясал. Узкие мощёные улицы, заполненные людьми, высокие, до пяти этажей,

дома, увенчанные островерхими крышами, неумолчный гам — целый мир, незнакомый мне доселе.

Гиймар, не оборачиваясь, спросил:

— Тебе куда?

— На улицу Дилленим.

— А дом?

— Э-э... — вот этого я не знала. — Дом тётушки Мароты.

— Ладно, выясним, — и он свернул в очередной переулок.

Мы остановились возле маленького двухэтажного домика. Гиймар одним прыжком взлетел на трёхступенчатое крыльцо и забарабанил в дверь. На стук из дома выпорхнул кто-то в развевающемся платье и бросился ему на шею.

— Ты... — выдохнула девушка, прижимаясь к Рунному Стрелку, словно боясь отпустить его.

И одно это «ты» миг показало мне, до чего же беспочвенны были все мои мечтания.

— Ты вернулся!

— Милая моя, — Гиймар с нежностью погладил её по волосам, — неужели ты могла поверить, что я не вернусь?

Они стояли, обнявшись, и мне казалось, что я в холодный зимний вечер смотрю в окно чужого дома, где свет и тепло, и каждая мелочь дышит счастьем.

— Ты не один? — только сейчас она заметила меня.

Гиймар помог мне спешиться.

— Арита, Хранительница Кристалла — моя невеста Зимериль.

Вот, значит, кого он звал в бреду, вот кого означали розовые искры его души...

Зимериль, круглолицая, на голову меньше меня, казалась моей ровесницей — но лишь до тех пор, пока я не посмотрела ей в глаза. Не бывает у шестнадцатилетних такого спокойного взгляда! Это — пора мучительного формирования, поисков и ниспровержения идеалов. Но не было это и стариковским спокойствием, происходящим из мудрости и глубокого опыта. В светло-зелёных глазах Зимериль светилось спокойствие уже взрослой, но ещё молодой женщины, обрётшей смысл жизни в единственно любимом человеке и потому любящей весь мир. Она не была ослепительной красавицей, но что-то было во всём её облике, что заставило меня почувствовать, насколько же жалко я выгляжу — пропылённая, лохматая, в истрёпанном платье.

Я пристальнее взглядела в неё — наверное, сейчас злорадствует и мысленно любит себя? Нет: Зимериль всего лишь слегка улыбнулась.

— Настоящая Хранительница Кристалла! Наверное, это трудно?

— Трудно? М-м... иногда. Но на самом деле ничего подобного не замечаешь, Хранительница Кристалла — это ведь не работа и не должность, это просто такая жизнь.

— Ох, что же это я держу вас на пороге, — спохватилась Зимериль. — Проходите в дом.

— Нет, я обещал отвезти Ариту к родственникам, — отозвался Гиймар.
— Я к тебе только на минутку заскочил, чтобы ты не беспокоилась.

— Нет уж, так быстро вы не уйдёте! Хотя бы чаю выпейте с дороги.

— Ну, разве только чаю...

Надо отдать должное, чай Зимериль действительно был замечателен, с травами, мёдом и горячим хрустящим печеньем. Я старательно поддерживала весёлую болтовню хозяйки, Гиймар отмалчивался, лишь изредка вставляя свои реплики.

Внезапно Зимериль осеклась на середине фразы и уставилась на меня непонимающими глазами человека, которого вдруг ударили ножом, но который ещё не вполне осознал это.

— Арита, — тихо и медленно начала она. — Пусть не покажется тебе обидным вопрос... что у тебя в кармане?

Сказать, что я была удивлена — ничего не сказать. Такая самоуглублённость и непонятное волнение — знакомое мне состояние человека, почувствовавшего что-то вне пределов обычных ощущений, но Зимериль! Ведь она же не Хранительница, она просто человек!

А в самом деле, что же у меня в кармане? Кажется, только Кристалл...

Я выложила его на стол. Зимериль, словно прислушиваясь к чему-то, медленно покачала головой.

— Нет... Ближе, но не то...

И тут я вспомнила: Кристалл из крепости! Не умея обращаться со спящими Кристаллами, я просто сунула его в карман юбки. Без лишних слов я достала Кристалл и протянула его Зимериль:

— Это?

— Да!

Её пальцы схватили Кристалл, скользнули по нему инстинктивным жестом настоящей Хранительницы... и я вдруг увидела, как в полупрозрачном камне засветились белые искры. Глаза Зимериль удивлённо распахнулись.

— Он... живой!

— Конечно, живой.

— Арита, — умоляюще и почти испуганно обратилась она ко мне, — что это значит?

— Не бойся. Это значит только то, что в тебе тоже есть способности Хранительницы Кристалла.

Признаться, меня это совсем не радовало. Мне больше нравилось думать о невесте Гиймара как о самой обыкновенной, хотя и симпатичной девушке. Но тут уже выбирать не мне.

Зимериль же мои слова попросту испугали.

— Но я не хочу!

— Почему?

Зимериль смутилась:

— Ну... я же... не справлюсь!

— Не беспокойся, справишься. Это ведь не зависит от каких-то особых качеств — только от дара, и он либо есть, либо нет.

Девушка залилась краской до самых ушей.

— И... я слышала...

— Что?

— Ну... — и решившись, она выпалила: — Я слышала, что Хранительницам Кристалла нельзя выходить замуж!

А! Теперь её страх стал понятен. Действительно, в народе бродят такие слухи, непонятно на чём основанные.

— О, это всего лишь слух, который распускают незнающие люди. Хранительницы, если захотят, тоже выходят замуж и растят детей. Моя мама ведь тоже была Хранительницей

— Правда? — Зимериль улыбнулась и прижала новообретённый Кристалл к груди.

— Да.

— А почему «если захотят»? Разве Хранительницам семья не так нужна?

М-да... Попробуй объясни ей, что Хранительница и выйдя замуж остаётся Хранительницей, а значит, её жизнь никогда не сосредоточится только на семье. Прибавить к этому ещё и то, что, по рассказам мамы, желающих жениться на Хранительнице очень мало: мужчины не любят, когда женщина их в чём-то превосходит.

Но Кристалл выбрал Зимериль, хотя мне это и не нравилось. Возможно, и в самом деле в ней есть что-то глубинное, чего я не разглядела, ослеплённая ревностью? Осторожно подбирая слова, я сказала:

— Понимаешь, у Хранительниц — особая жизнь, кое в чём не похожая на обычную. Поэтому когда Хранительница выходит замуж, её жизнь начинает строиться как бы из двух частей, довольно непохожих. И подчас их нелегко соединить.

Зимериль опустила голову.

— Я даже не знаю...

Гиймар поднялся и, став позади, обнял её за плечи.

— Не бойся, — тихо сказал он. — Что бы ты ни выбрала, я буду с тобой.

Зимериль ответила ему благодарным взглядом. Потом посмотрела на меня.

— Можно, я пока оставляю его себе?

— Конечно.

*

Затянулось, однако же, наше чаепитие — когда мы вышли на улицу, солнце уже коснулось крыш.

До улицы Дилленим было довольно далеко, но Гиймар дорогу знал и вёл без лишних блужданий. А когда мы добрались — я вдруг поняла, что откуда-то помню эту улицу.

Вот тут над дверью была прибита жестяная кошка, свесившая лапу — выгоревшая краска ещё сохраняла её след. А там подальше улица сворачивает, и за углом будет водосточная труба в виде дракона — когда-то я его боялась...

Когда?

И, кажется, не придётся расспрашивать прохожих, чтобы найти тётушку Мароту. В памяти смутно всплыл краснокирпичный дом с выложенным из белого кирпича узором, с закруглёнными вверху окнами. Крыльцо с пятью высокими ступенями и перилами сбоку, резной косяк двери: из-за фигурных листьев и цветов выглядят сказочные звери...

— Вот он!

Гиймар помог мне спешиться, и я подумала, что это — в последний раз. В последний...

Ступеньки крыльца оказались не такими уж и высокими. Я с волнением взялась за большое медное кольцо на двери. Как-то встретят меня эти незнакомые люди? Но отступать было некуда — и я постучала.

Большая, мягкая и уютная женщина открыла дверь. Именно такой я всегда представляла себе тётушку.

— Добрый день, — слегка поклонилась я и уточнила: — Вы госпожа Марота?

— Да, а кто вы?

— Я Арита... — начала я, не надеясь, что меня знают, но тётушка перебила меня:

— Арита?! О великие боги, я ведь последний раз видела тебя, когда ты была совсем крошкой. А теперь ты вон какой барышней выросла!

— А разве я здесь была?

— Ну конечно. Только тебе тогда был годик или полтора, поэтому ты и не помнишь.

— Значит, вот откуда мне вспомнилась и улица, и этот дом!

Тётушка обняла меня большими, пахнущими корицей руками.

— Вот ты и приехала снова, девочка моя. Но почему ты в таком виде?

— Ох, тётя, — начала я и вдруг обнаружила, что не могу больше вымолвить ни слова. — Ох, тётя, — беспомощно повторила я и внезапно разрыдалась, уткнувшись в необъятное плечо. Тётушка ласково гладила меня по волосам:

— Ну не плачь, моя маленькая, не плачь. Всё позади, ты уже дома, и всё будет хорошо, вот увидишь. Ох, Арита, девочка моя...

Когда я, наконец, выплакалась и умолкла, тётушка вдруг оглянулась:

— А где же тот молодой человек, который привёз тебя?

Действительно, пока я ревела, Гиймар исчез.

— Ай-яй-яй, а мы его даже не поблагодарили. Ну да ладно уж, проходи в дом. Альсан, Альсан, посмотри, кто приехал! Ведь это наша крошка Арита — узнаёшь её? Арита, ты помнишь своего дядю Альсана?

*

Как следует отмывшись, завернувшись в необъятный тётушкин халат, я спустилась к ужину. Дядя Альсан уже сидел за столом, уставясь в книгу. Длинный и сутулый, как вопросительный знак, в лиловой феске набекрень и с добрым взглядом прозрачно-серых глаз, он напоминал рассеянного старого волшебника из детских сказок.

Только позже я узнала, что дядя — главный архивариус Цитадели, наизусть помнящий место каждой из нескольких тысяч рукописей Архивной башни. А читает он, как оказалось, всегда и повсюду.

А в тот вечер я поняла другое: тётушка не делает особой разницы между мной и дядей, для неё мы оба — великовозрастные дети, которых надо опекать. Своих детей у неё не было, и нерастроченный материнский инстинкт она щедро обрушивала на всех окружающих.

— Арита, деточка, что же ты так мало ешь? Вон какая худенькая и бледная! Альсан, ну сколько можно говорить — не читают за столом!

*

Весь следующий день я провела за переделкой платьев, которые тётушка носила в юности. Они оказались мне почти впору, хотя и несколько длинноваты: видно, тётушка Марота в моём возрасте была более длинноногой.

На следующее утро, умывшись и одевшись, я задержалась у зеркала. Из-за стекла на меня смотрела незнакомка: лицо похоже на моё, но более узкое, отчего глаза вдруг стали больше и темнее, и в тех глазах... Каждый шаг пройденного мною пути оставил след в этом взгляде, и он стал сильнее, непреклоннее, но вместе с тем и глубже. Простое тёмно-зелёное платье оттеняло рыжие прядки, появившиеся в выгоревших тёмных волосах.

Та, что стояла в зеркале, могла смело идти в Цитадель и говорить там на равных.

И я отправилась в Цитадель.

*

Цитадель располагалась над городом, на высоком холме. Её полутёмные переходы были гулки и безлюдны. Остановившись посреди широкого входа, я постаралась вспомнить наставления старых книг — о том, как полагалось вести себя в Цитадели. Громко и по-военному чётко я произнесла:

— Арита, Хранительница Кристалла, пришедшая из крепости Иргант, приветствует своих сестёр.

Откуда-то сбоку выскользнула женщина средних лет.

— Здравствуй, сестра, — она протянула руки вперёд: одна ладонью вверх, другая вниз. Я повторила её жест, наши ладони сомкнулись, и я впервые за долгое время вновь ощутила себя не просто одной — но одной из многих. Нам не нужны были слова, дальнейший разговор протекал мысленно.

«С чем ты пришла, сестра?»

«С вестями, ой, с такими вестями! Сможет ли кто-то из старших меня выслушать?»

«Сейчас узнаю».

Она скрылась и, вернувшись, произнесла уже вслух:

— Старшая Хранительница Хеннира примет тебя. Идём.

Деревянный пол поскрипывал под моими ногами, а моя провожатая скользила вперёд совершенно бесшумно.

Старшая Хранительница Хеннира оказалась маленькой старушкой в ворохе янтарного цвета одеяний. Тем удивительнее был её голос — высокий и чистый, почти детский. На вид очень хрупкая, слабой она, однако, не казалась — напротив, сила, ощутимо исходящая от неё, заполняла всю комнату. Она сидела очень прямо, рядом на столике примостился писец.

— Здравствуй, младшая сестра.

— Здравствуйте, Хранительница, — язык не поворачивался назвать её на «ты».

Она подняла руку.

— Прежде чем ты начнёшь свой рассказ — ответь: у кого ты проходила Посвящение? На тебе чей-то знак, но он мне незнаком...

— Посвящение?! — об этом я слышала в первый раз. — Но... я не проходила никакого Посвящения.

— Не может быть! Его знак на тебе ясно виден. Хотя... ты могла пройти его... но не знать об этом, — и, обронив эту загадочную фразу, она приказала: — Рассказывай.

И я начала свою историю. Когда Старшей Хранительнице что-то казалось более интересным, она тихим голосом просила повторить, и я послушно пересказывала заново этот эпизод, стараясь вспомнить мельчайшие подробности, даже неважные на первый взгляд.

Писец делал у себя какие-то пометки. Мельком глянув, я увидела, что его лист весь испещрён непонятными знаками. От Хранительницы Хенниры не укрылся мой любопытный взгляд.

— Это знаки быстрого письма, которым пользуются, чтобы точно записать разговор. Потом эти записи будут расшифрованы и займут своё место в архиве. Но продолжай.

Когда я дошла до странного чувства сопричастности цветущим полям, Хеннира остановила меня поднятой ладонью. На лице её возникло лёгкое волнение.

— Повтори.

Я повторила, стараясь не упустить ни малейшей подробности. Хранительница медленно кивнула.

— Да... это оно.

— Что — оно?

— Посвящение Земли. Обычно в это чувство сопричастности ученицу вводит одна из старших Хранительниц, но иногда — очень редко — Земля сама принимает новообращённую. Такие обычно достигают больших высот. Но не обольщайся, — голос Хенниры вдруг стал суровым, — тебе ещё мно-

тому надо научиться, прежде чем ты раскроешь свои силы! Помни: кому много дано, с того много и спросится.

Когда я закончила свой рассказ, Старшая Хранительница некоторое время молчала, прикрыв глаза. Потом остро глянула на меня:

— Большой путь прошла ты, младшая сестра. По крайней мере, второе имя ты уже обрела.

— Второе имя?

— У каждой Хранительницы, помимо обычного имени, есть прозвище, которое отражает её суть. Я, к примеру — Хеннира Буревестница.

Никогда не слышала, чтобы Хранительницы такого ранга занимались предсказанием погоды! Должно быть, моё удивление настолько ясно отразилось на лице, что Хранительница улыбнулась.

— Нет, я предвещаю иные бури, — и снова вернулась к разговору: — Прозвание же таких, как ты, во все века было одно: Посвящённая Землём.

Арита Посвящённая Землём! Звучит неплохо.

Оставался ещё один вопрос:

— Скажите, Хранительница... я всё правильно сделала?

— Что такое правильно? То, что правильно для одного — неправильно для другого. Их может рассудить время... и ещё — совесть. А для себя, что правильно, что нет, сможешь решить только ты сама.

Ответ показался мне слишком общим и банальным — ведь я и так это знала. А мне хотелось чётких наставлений от кого-то, кто мудрее меня, кто лучше знает, что нужно делать.

Видно, по моему лицу Старшая Хранительница прочла эти мысли. Она медленно покачала головой.

— Нет, готового решения я тебе не дам. Ты ещё очень юна... но уже — полноправная Хранительница, и пора тебе жить своим разумом.

Я поняла, что большего не добьюсь. Попрощалась и пошла к двери, но Хранительница Хеннира окликнула меня.

— Арита, подожди, — впервые она назвала меня по имени. — Ещё до твоих вестей мы знали, что больше ждать нельзя. Готовится большой поход. Мы пойдём к Тёмному Пути... а там соединим наши силы и либо выжжем его полностью — либо... Идут только добровольцы, прошедшие Посвящение. Говорят, — тут она улыбнулась, — что присутствие Посвящённой Землём приносит удачу... Я знаю порывистость юности — а потому подумай хорошенько.

Я вспомнила тот диалог на дороге: «Собирают ополчение...» — «Значит, они всё-таки решились?»

Что тут особенно раздумывать. Я и так знала: сколько ни думай — всё равно я соглашусь. Но из вежливости ответила:

— Я скажу своё решение завтра.

Та же самая женщина проводила меня к выходу. Прежде чем попрощаться, она спросила:

— Тебе предлагали Поход?

— Да. Я согласилась... а ты, сестра?

— Тоже.

— Представляешь... я, оказывается, прошла Посвящение Земли! Меня теперь так и зовут: Арита Посвящённая Землёй.

Она даже не удивилась:

— А я — Нисса Читающая-по-Облакам.

*

Разумеется, тётушка, узнав о моём решении, подняла крик:

— Не пущу! Ты ведь ещё совсем малышка, а там будут все взрослые, опытные Хранительницы! Ты же не справишься, девочка моя! Да и куда же ты уходишь — только пришла и сразу опять исчезаешь...

Мои слова о том, что я буду среди них навроде талисмана, не действовали. Она бы ещё долго причитала, но дядя Альсан, всё это время хмуривший брови, хлопнул ладонью по столу.

— Хватит! Марота, ведь Арита уже выросла. Она уже не ребёнок — смирись с этим. И к тому же она — Хранительница, и... — он вздохнул, — быть среди своих, жить этой жизнью для неё куда важнее, чем быть с нами.

Тётушка послушно кивнула, и на щеках её блеснули слёзы.

— Хорошо... иди, — она обняла меня и всхлипнула. — Только всё-таки береги себя, девочка моя! И постарайся всё-таки вернуться...

*

Вечером, когда уже стемнело, тётушка Марота поднялась ко мне в комнату.

— К тебе тот молодой человек, который тебя привёз, — немного ворчливо сообщила она. — Поздновато вообще-то для визитов...

Не слушая её, я вихрем слетела вниз по лестнице. Гиймар ждал меня у двери, рядом на столике горела свеча.

— Здравствуй, Хранительница Кристалла.

— Здравствуй, Рунный Стрелок.

Как будто ничего и не было меж нами.

— Я к тебе по просьбе Зимериль. Вот... — он достал из кармана что-то тускло блеснувшее.

Кристалл из крепости Соран.

— Она отказалась? Но... почему?

— Она решила, что не сможет жить двойной жизнью. Её сердце отдано мне.

— А Кристалл?

— Отнесёшь его в Цитадель.

— Ты согласился на Поход? — спросила я, чтобы хоть что-нибудь спросить.

— Да.

— Я тоже.

Короткий кивок.

— Ну что ж... до встречи, Хранительница Кристалла.

— До встречи, Рунный Стрелок.

Я смотрела, как он уходил по тёмной улице, в тусклом свете, падавшем из окон. Он ни разу не обернулся.

Свеча в моей руке догорела и погасла, капли воска обожгли мне руку, но что мне было до этой боли?

Я прижалась щекой к резному косяку.

Я люблю тебя, Гиймар-атрианец. Я буду любить тебя вечно, но ты никогда не узнаешь об этом...

Но — Боги! — как же больно сердцу!